

Петр БОРОДКИН

НЕ КАЖДОМУ ДАНО

Стоял декабрь. Метельные дни сменялись крепкими морозами. По большой сибирской дороге потянулись в Петербург длинные караваны, с одним из которых и отправился Степан Иванович Гуляев.

Больше полтора месяцев караван находился в пути. Длительная езда не утомляла Степана Ивановича. Напротив, смена мест, встречи с разными людьми позволяли глубже интересоваться историей, языком. На почтовых станциях удалось записать несколько былин.

Четыре года Гуляев не был в столице, много, наверное, за это время произошло перемен.

Гуляев представлял, как обрадуются друзья его сибирским подаркам — коллекций минералов, археологическим находкам. От этого становилось по-мальчишески весело.

В таком приподнятом и восторженном настроении и въехал Степан Иванович Гуляев ранним февральским утром в Петербург.

Со двора Горного департамента караван отправили в Монетный двор. Там Степан Иванович в течение дня сдал содержимое каравана опытным пробирщикам и только после того стал себе хозяином. Первым, кого он повстречал в Горном департаменте, оказался член Горного ученого комитета генерал-майор Озерский, бывший начальник Алтайских горных заводов, который совсем недавно покинул Алтай. Генерал шурил близорукие глаза, стараясь вспомнить Степана Ивановича.

— Никак, советник стола частных золотых промыслов Гуляев?

— Он самый, ваше превосходительство!

Бывший начальник живо расспрашивал про алтайские новости.

— Скажите, советник, не возобновил деятельности закрытый по моему указанию Томский железодельный и чугуноплавильный завод?

— Никак нет. С производством железа и чугуна бывшего обветшалого Томского завода успешно справляется Гурьевский железодельный завод.

После расспросов о делах в «золотом столе», Озерский поблагодарил Степана Ивановича за беседу, пригласил заглянуть в Горный ученый комитет.

Бывшие сослуживцы по Петербургу встречали Степана Ивановича по-разному — кто с шумным восторгом, кто с затаенным

любопытством. А Иван Ненарокомов сказал:

— Поздравляю, Степан Иванович, с новой должностью! Видать, тебе вольнее там дышится, чем нам здесь? Рассказывай про свои дела.

Гуляев вздохнул:

— Везде, Иван Ксенофонтович, одно и то же! Служба остается службой, а взяточничество — взяточничеством.

— И у вас? — вырвалось у Ненарокова.

— И у нас, Иван Ксенофонтович. А вот для занятой делом, полезным для души, простору там больше, ты прав.

Степан Иванович рассказал про награды Вольного экономического общества за экспонаты, представленные им в Петербург на выставку сельского хозяйства и промышленности.

— О-о! — воскликнул Ненарокомов. — Да ты настоящий ученый!

Наконец, к исходу второго дня Степан Иванович решил навестить Срезневского.

* * *

Профессор-славист, филолог и этнограф, член Петербургской академии наук Измаил Иванович Срезневский был моложе Гуляева на семь лет. Познакомились они несколько лет назад на одном из литературных вечеров, где собирались любители русской народной поэзии. Срезневский был основателем школы славистов в Петербурге, его учениками являлись Чернышевский и Добролюбов. Знакомство со временем переросло в дружбу. Два человека, родившиеся за многие тысячи верст друг от друга, оказались близкими по духу. Общение с ним помогло Гуляеву с предельной ясностью понять многое из того, что ранее воспринималось лишь чутьем, интуитивно.

В свою очередь обширные познания Гуляева в этнографии являлись неоценимым подспорьем для ученого в его исследованиях и изысканиях.

Помните, придя однажды в гости к Степану Ивановичу, жившему в то время еще в Петербурге, Срезневский был поражен богатством этнографического материала, собранного Гуляевым в Западной Сибири.

— Дорогой Степан Иванович, да вы же обладатель бесценного сокровища! И вы обязаны непременно поделиться своими сокровищами.

— Что вас интересует? — с готовностью отозвался Степан Иванович. Срезневский улыбнулся:

— Меня все интересует. Но я имею в виду не себя, а многих других любителей народного творчества.

— Каким же образом поделиться мне с ними?

— Простым и общеизвестным, — хитро посмеивался Срезневский. — Не держать под спудом вот эти, скажем, очерки Юго-Западной Сибири, а подготовить их, дополнить соответствующим образом и опубликовать.

— Опубликовать? Вы считаете, что они достойны публикации? — удивился и обрадовался Гуляев.

— Не только считаю — уверен в том.

Срезневский принял в этом самое горячее участие, познакомив его с редактором «Библиотеки для чтения» Сенковским, которого вскоре сменил Старчевский. Рукопись долго ходила по рукам, ее читали, отзывались о ней хорошо, но издавать не решались. Кто-то даже высказался в том смысле, что если б автор имел имя...

Срезневский настаивал: «Вот вы издайте — и будет у автора имя».

Наконец брошюра была издана. И разошлась в течение нескольких дней.

* * *

Старший сын Гуляевых поступил учиться в гимназию. И тут для него, как ни странно, камнем преткновения явился русский язык. Степан Иванович подверг длительному и тщательному анализу бытовавшие в то время в гимназиях учебники русского языка и нашел, что в них содержание оказывалось неудовлетворяющим любознательность юношей ввиду перегрузки обширным фактическим материалом без достаточного исторического освещения.

При самой добросовестной зубрежке учебного материала гимназисты быстро забывали основные положения и правила русской грамматики.

Степан Иванович детально изучил русскую грамматику Греча и Востокова, а затем несколько месяцев изнурительного, но радостного труда посвятил созданию своего пособия «Опыт грамматики русского языка». Сын Александр занимался теперь только по этому учебнику. И уже вскоре выказал немалые успехи. Учитель удивленно как-то спросил:

— Господин Гуляев, каким образом удалось вам так скоро наверстать?

Молодой Гуляев улыбнулся, извлек отцовский «Опыт грамматики русского языка» и показал учителю. Учитель долго листал рукопись, нашел ее вполне подходящим пособием для учеников гимназий.

Однако пособие Гуляева при неоспоримых его преимуществах издавать не хотели, находя, что слишком оно упрощено. Хотя дело было отнюдь не в «упрощении». Военная муштра, господствовавшая в те времена, исключала из гимназического курса всякую попытку логического мышления.

Срезневский утешал друга:

— Ничего, Степан Иванович, ваш «Опыт грамматики русского языка» обязательно выйдет в свет! Дайте время.

Спустя восемь лет был ликвидирован цензурный комитет по рассмотрению учебных пособий. «Опыт грамматики русского языка» увидел свет в своем первоначальном варианте.

Срезневский был первым, кому Степан Иванович подарил свой учебник с дарственной, а точнее сказать, с благодарственной надписью.

Летом 1861 года Гуляев уехал на Алтай. И только после двухмесячного путешествия по необозримым просторам России Гуляевы, наконец, прибыли в Барнаул, мало чем изменившийся за четверть века отсутствия Степана Ивановича. Правда, в городе появились новые каменные здания, воздвигнутые по проектам Якова Николаевича Попова, ученика знаменитого Карла Росси — здания Барнаульского окружного (горного) училища, богадельни, Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, заводского госпиталя и другие. Конюшенная-Демидовская площадь, окруженная новыми зданиями, по замыслу архитектора, должна была напоминать уголок Петербурга. В единый архитектурный ансамбль связывал все здания воздвигнутый в центре площади обелиск в честь столетия основания горного производства на Алтае. На цоколе памятника красовался чугунный барельеф зачинателя горного дела на Алтае Акинфия Демидова. Этого оказалось достаточным для горожан, чтобы окрестить Конюшенную площадь, старейшую в Барнауле, в Демидовскую.

Всего за год до приезда Гуляева на Алтай начальником Алтайского горного округа стал генерал-майор Озерский, бывший инспектор классов Горного института в Петербурге. Гуляев был наслышан о нем немало, но лично знаком не был. И поэтому отправился на прием к начальнику с некоторой настороженностью: а каково-то пришло его на Алтае?

* * *

На дорогах в завод, на городских улицах Барнаула толстым слоем лежала измельченная соковина — твердые и тяжелые остатки шлака от плавки серебра. Черные камешки соковины выполняли успешно основное назначение — делали проезжими дороги в весеннюю и осеннюю распутицу. Летом черные дороги отливали стеклянным блеском, издавали неприятный скрежет под колесами тяжело груженных повозок рудовозов. Истертая в порошок соковина при малейшем ветре вместе со шлаковой и рудной пылью поднималась черными тучами над городом.

Горе бывало какой-нибудь моднице появиться на улицах города в светлом наряде, который тотчас становился грязно-серым. Стены домов чернели, а листва на деревьях становилась к концу лета грязно-зеленой.

Летом, в ветер, город тонул в черных пыльных вихрях. Тогда становилось трудно дышать.

И все же, несмотря ни на что, Гуляев остался доволен переездом. Содержать семью здесь было значительно легче. Дешевле оказались продукты и другие пред-

меты первой необходимости. Чета Гуляевых, после долгих лет недостатков, наконец, вздохнула свободнее. Степан Иванович позволил даже себе оставить учительскую практику, высвободив время для научной работы.

Новая должность таила в себе для Степана Ивановича немалые преимущества. Дело с частными золотопромышленниками давало полную возможность получения самой подробной информации от них по разнообразным вопросам. Само собой количество нужных корреспондентов-золотопромышленников постоянно увеличивалось, возрастали и всевозможные сведения. В подчинении начальника «золотого стола» было немало чиновников.

Они чинили немало препятствий своему начальнику в получении необходимых сведений. Дело в том, что чиновников «золотого стола» интересовало совсем иное, чем их начальник, — получение вознаграждений от золотопромышленников, взятки за выделение выгодных участков и другие операции. Один вид «вознаграждений» был узаконен инструкциями из Петербурга и составлял определенный процент от стоимости золота, сланного золотопромышленниками в лабораторию Алтайского горного округа.

Всю Западную и Восточную Сибирь обслуживала одна золотосплавочная лаборатория — Барнаульская. Поэтому проценты иногда составляли солидную сумму. Ее распределение между чиновниками сопровождалось неимоверной грязней, доносами начальству на нечестность одних и корыстолюбие других. Новый начальник «золотого стола» не мог отменить установленного порядка получения «законной» мзды, но смотрел на нее, к удивлению чиновничьей братии, с нескрываемым пренебрежением и брезгливостью.

Когда же дело касалось взятки-вымогательства с частных золотопромышленников, то Степан Иванович сам их не брал и, насколько было в его силах, не давал возможности бесчинствовать своим подчиненным.

Обычно взятка выколачивалась таким образом. Золотопромышленники нередко сами находили золотые месторождения на территории Алтайского горного округа, в который входила обширная территория в четыреста тысяч квадратных верст, и делали о том заявку. От чиновников, подчиненных Гуляеву, полностью зависело — дать или нет ход этой заявке. Чтобы золотоносная площадь, выгодная для разработки, не попала в руки казны, золотопромышленники или их доверенные не скупились на взятки. Так что «золотой стол» — действительно был золотым.

Однажды к Гуляеву вместе с чиновником по отводу золотоносных участков явился доверенный купца Копылова. Купец вел бойкую торговлю в городах Верном и Семипалатинске, был богат и решил умножить свой капитал, вложив в золотоносный участок.

Чинивник учтиво доложил Гуляеву:

— Доверенный купца Копылова господин Иванов!

Посетитель выглядел весьма солидно — высокий и статный, одет с иголочки.

— Присядьте, — сказал Степан Иванович чиновнику и доверенному и принялся читать письмо купца. Пока Гуляев читал, доверенный хранил вежливое молчание и казался олицетворением невозмутимости.

— Где намереваетесь вести разработки и как скоро приступите к ним? — спросил Гуляев.

— В Марининской тайге, в верхнем течении речки Кундата, где впадает в нее ключ Безымянный, ваше высококордие, — ответил доверенный.

— Брали ли шурфы на заявленном участке и сколько?

— Как же, брали, целых пять шурфов!

После непродолжительной паузы Степан Иванович спросил совсем неожиданное:

— А не случилось ли вам при том находить кости животных, следы человеческих погребений, обломки оружия, домашней утвари?

Чиновник, хорошо знавший Гуляева, отнесся к вопросу его безразлично. Как сидел, храня молчание, так и продолжал сидеть. Напротив, доверенный недоумевающе поглядел на Гуляева и обиженно сказал:

— Мы, чай, не из басурманов, ваше высококордие, чтоб в кладбищах копать.

В довершение своих слов доверенный трижды осенил себя размашистым крестом. Степан Иванович понял, что доверенный третий калач, и умышленно прикидывается непонимающим человеком.

— А какова там местность, почвы?

— Местность-то обнаковенная, слегка в буграх, а земля для хлебопашества निकудышная — песчаная, с каменным распадком.

— Ну что ж, коли так, участок никем не заявлен, свободен, стало быть. Разрешение на его разработку получите, — и, обращаясь к чиновнику, сказал: — Выдайте свидетельство на пользование участком.

— Покорнейше благодарим вас, ваше высококордие, за оказанную милость от имени нашего доверителя! Многих лет жизни вам!

Когда доверенный, раскланявшись, направился к двери вместе с чиновником, Степан Иванович неожиданно остановил их:

— Стойте, господа! А это что? — взял он со стола пачку ассигнаций. — Кто из вас оставил? Такими суммами, господа, не следует разбрасываться...

— Это презент от хозяина, ваше высококордие, — смутился доверенный. — Десять тыщ. Неужто мало?

Гуляев решительно вернул пакет доверенному:

— Передайте вашему хозяину, что дежних презентов Гуляев не принимает... Будьте здоровы!

С тех пор за Степаном Ивановичем прочно утвердилось мнение среди чиновников и золотопромышленников, как о неподкупном человеке. И его побаивались. Поэтому чиновники, чтобы не нарваться на неприятность, заключали выгодные сделки с золотопромышленниками, минуя своего начальника.

Степан Иванович принялся довольно

рьяно за искоренение взяточничества. Докладывал по начальству о каждом случае. И все впустую.

«Неужели нет ни единого ума, который мог бы подсказать пути искоренения существующего зла?» — думал Гуляев. Вопрос оставался без ответа и потому еще сильнее волновал.

Впрочем, новый начальник Алтайских горных заводов генерал-майор Фрезе не обошел своим вниманием Гуляева. Однажды во время служебного приема он завел недвусмысленный разговор с советником и сделал ему краткое, но далеко не безобидное внушение:

— При полном уважении к вашим научным занятиям я вынужден рекомендовать вам, господин советник, жить прежде всего интересами сослуживцев. Не следует забывать, что служба и честность в нашем понятии не всегда друг другу родные сестры. Надеюсь, вы правильно поняли меня?

— Да, ваше превосходительство, я вас правильно понял, — кивнул Гуляев.

* * *

Степан Иванович переживал чувство радости от переписки с петербургскими друзьями. При этом в памяти воскрешались дни юношеских надежд и мечтаний. Это придавало уверенности в занятиях службой, что являлось немаловажным, когда выпадала неприятности, кончавшиеся обычно выговорами начальства.

После службы Степан Иванович отдавался любимому занятию — и тут он с временем не считался. Ознакомление научного мира с естественными богатствами, устным народным поэтическим творчеством Западной Сибири, распространение полезных для народа практических знаний, привлечение на службу человеку всевозможных открытий и усовершенствований в области материального производства...

Только за один год им были посланы статьи Русскому географическому обществу «О древних народах», через Измаила Ивановича Срезневского для Академии наук «О былинах», Временному артиллерийскому комитету проект производства чугунных пуль, которые «деланы особо».

Легко понять размах деятельности Гуляева. За один год им были собраны и посланы Вольному экономическому обществу в Петербург образцы минералов, древесных пород, шерсть, замша из телячьих шкур и шитки из воловьих жил, изготовленные самим Гуляевым. В том же году Степан Иванович попробовал произвести реформу в делопроизводстве Алтайского горного округа — подал проект о сокращении переписки. Но удар по бюрократизму не достиг цели — проект не получил в полном объеме права на жизнь.

Генерал Фрезе как-то сказал Гуляеву: — Что это вы, господин советник, не в свои сани садитесь? Ваше ли дело копаться в переписке да советовать, как ее сократить? Мой вам совет: занимайтесь-ка вы лучше вопросами вверенного вам стола. Такто, батенька мой, будет и вам спокойнее, и другим тоже...

* * *

И вот, спустя четыре года, Степан Иванович снова в Петербурге.

Вечером он зашел к Срезневскому. В гостиной накрыт стол. Бутылки с винами стояли нераспечатанными, рюмки — пустыми. В первые минуты Степан Иванович подумал: «Не вовремя пришел. Видать, незваный гость...»

И понятился было к двери, чтобы выйти из гостиной. Тут и раздался громкий возглас:

— С приездом дорогого Степана Ивановича!

Сомнений не было — ожидали его. Ему и устроили такую торжественную встречу.

Степан Иванович, растроганный и взволнованный, обошел стол и пожал каждому сидевшему руку.

— Чем обязан, господа, такой пышной встрече? Кто мог сообщить о моем приезде?

Якушкин глянул на Срезневского. Тот встал и начал торжественно:

— Ждали мы вас, Степан Иванович, все годы вашего отсутствия. И дождались! Неважно, как мы узнали, что именно сегодня вы появитесь в моем доме, важно то, что встречаем вас как лучшего друга!

Срезневский обнял Гуляева.

— Ну, рассказывайте, Степан Иванович, про жизнь в местах, отдаленных от столицы. Что там, как?

Срезневский сел рядом со Степаном Ивановичем.

— Нравы чиновников и в тамошних местах сходны со столичными, — сказал Гуляев. — Но поле деятельности для человека любознательного везде остается неограниченным. Кое-что мне удалось сделать. — И вдруг, словно вспомнив, неожиданно спросил: — Что-то я не вижу среди вас Достоевского. Где же он?

— Федор Михайлович приболел, — ответил Срезневский. — Но, думаю, вы его еще повидаете.

Потом разговор как-то незаметно переключился на гуляевские находки; особенно заинтересовали всех новые его записи. Незнакомый Гуляеву человек, как оказалось, профессор университета, разгорячившись, доказывал Якушкину:

— Уважаемый Павел Иванович, не забывайте, что в устной народной поэзии наличествуют элементы патриотизма.

— Согласен. Но никак не любви к князьям, — задиристо отвечал Якушкин.

Срезневский жаловался:

— Да, друзья мои, мало, очень мало мы еще знакомы со старинными рукописями, первоисточниками русской народной литературы и русского языка.

— А они все-таки есть, Измаил Иванович, — вмешался в разговор Степан Иванович. — И рукописи, и книги. Вот, пожалуйста, — и прежде чем Срезневский успел что-либо сказать, он извлек сверток из плотной бумаги, развернул и передал ему книгу. — Это для вас, Измаил Иванович. Приобрел на ярмарке в Сузунском заводе у одного крестьянина-любителя древностей.

Срезневский раскрыл кожаный переплет, на титульном листе книги значилось: «Козьма-индикоплов». Книга состояла из

двенадцати глав, или «слов», и написана была крупным уставом, содержала семьдесят пять красочных иллюстраций, рассказывала об увлекательном путешествии некоего Козьмы в «Индию», или Индию, поэтому и прозванного «индикопловом».

Книга представляла из себя смесь священных легенд и религиозных правоучений с красочными бытовыми зарисовками.

Восторгу Срезневского, казалось, не было предела. Принимаемая драгоценней для него подарок, он шуточно сказал:

— Дорогой Степан Иванович, благодарение судьбе, что она на четыре года вас изгнала из Петербурга! Будь вы в столице, я не имел бы счастья стать обладателем такого редкого сокровища, как эта чудесная книга!

Пряча довольную улыбку в кончиках коротких усов, Степан Иванович повернулся к Якушкину:

— Есть кое-что и для вас, Павел Иванович. Это сибирская запись былины об Алеше Поповиче.

Якушкин молча и с благодарностью пожал руку Степана Ивановича. Гуляев вздохнул:

— Сожалею, что нет среди нас Достоевского. Для него были бы небезыгодны мои записи о взяточничестве алтайских чиновников, о растлевающем влиянии частной золотопромышленности... Хотя, надо полагать, Федор Михайлович и сам навиделся подобного за эти годы...

Якушкин, успевший пробежать по строкам записи былины об Алеше Поповиче, сказал:

— Предлагаю тост за Степана Ивановича, подвижника науки во глубине сибирских руд... И дай нам бог побольше таких подвижников!

Степан Иванович расстался с друзьями поздним вечером. Вернувшись в гостиницу Горного департамента, долго не мог заснуть, снова и снова переживая события прошедшего дня.

* * *

Почти полгода жизни в столице прошли для Степана Ивановича незаметно. В библиотеке Академии наук и публичной библиотеке удалось найти немало интересных сведений по устной народной поэзии. Степан Иванович читал запоем, делал нужные выписки.

Однако частые встречи с друзьями, посещения различных обществ, музеев, библиотек, знакомство с только что вышедшими в свет научными трудами не могли избавить Степана Ивановича от желания встретиться с людьми, облеченными властью, и рассказать о фактах неприкрытого взяточничества на Алтае. Срезневский предупредил:

— Зря, Степан Иванович, затеваете вы это, зря. Сил потратите много, а толку, боюсь, никакого не добьетесь.

— Попробую, Измаил Иванович. Как говорят, спыток — не убыток!

В Горном департаменте служил в должности заместителя начальника бывший столоначальник Степана Ивановича, который слыл человеком честным и не мздоим-

цем. Лишь на пятые сутки Степан Иванович попал к нему на прием. Генеральские поганы ладно сидели на широких плечах, шея обвисла на жесткий ворот мундира, чего четыре года назад не замечалось. Высокий начальник сразу узнал Степана Ивановича, встал, приветливо поздоровался:

— Рад вас видеть, господин Гуляев! Да вы не изменились со времени отъезда из Петербурга! Что привело вас ко мне? Просьба по действию алтайских заводов? А может, с личным наказом начальника заводов генерал-майора Александра Ермолаевича Фрезе?

— Не угадали, ваше превосходительство, — улыбнулся Гуляев. — Во-первых, пришел попроведать бывшего своего начальника. А во-вторых, решил рассказать о том, какие порядки, а вернее, беспорядки бытуют на алтайских заводах.

— И что ж это за порядки?

— Смею доложить, ваше превосходительство, что на Алтайских заводах среди чиновников процветает взяточничество.

— Ну, сие не ново. И в больших размерах?

— Сколько бог на душу положит, ваше превосходительство.

— Вы, надеюсь, не относитесь к числу таковых? Вот и хорошо! И впредь старайтесь блюсти высокую нравственность. Что касаемо других... Послушайте моего совета: оставьте их в покое. Плетью обуха не перешибешь.

Срезневский при встрече спросил Степана Ивановича:

— Ну, как, Илья Муромец, одолел ли ты рать поганых?

— Попытался, да уперся лбом в стенку.

— То-то и оно! Не одолеть тебе, Степан Иванович, эту стенку. Плюнь да занимайся своими делами. Больше проку будет.

— Вы правы, Измаил Иванович, напрасно я затеял эту борьбу, тяжелую и непосильную. Последую вашему совету.

— А коли так, — сказал Срезневский, — вот вам еще совет: бросайте службу, переезжайте в Петербург, тут вплотную можно заняться наукой.

Всего мог ожидать Степан Иванович от Срезневского, но только не этого предложения.

— Нет, дорогой Измаил Иванович, ваше предложение заманчиво да неприемлемо по многим причинам. И первая из них — прикипел я там, на Алтае, не смогу без него. Никакая наука в голову не пойдет. Да и семья слишком большая, чтобы содержать ее в столице, не имея за душой ничего, кроме жалованья. Нет, нет, это просто невозможно! Благодарю, дорогой Измаил Иванович, за предложение, чувствую, что оно от души, но не могу им воспользоваться.

— Значит, по-прежнему остаетесь возле науки? Очень жаль!

— Почему же возле науки? — не согласился Степан Иванович. — Возможно-сти там хоть и невелики, но есть.

— Ну что ж, быть, как говорят, посему! Только прошу вас, дорогой Степан Иванович, не отрывайтесь со своими служебными делами от науки — вы ей очень нужны.

Вернувшись в гостиничный номер, Степан Иванович обнаружил записку.

Мелкий почерк с большим наклоном вправо показался ему знакомым. Глянув на подпись, он взволновался и обрадовался: Достоевский!

Федор Михайлович писал, что заходил в гостиницу, но не застал Гуляева, сообщил также, что остановился у отставного майора на Фонтанке, 125.

Степан Иванович тотчас взял извозчика и отправился на Фонтанку.

Федор Михайлович был дома. Встретились дружески. Обнялись. И начались взаимные расспросы — что да как?

— А я вам, Федор Михайлович, хочу показать кое-какие записи об алтайском чиновничестве. Весьма любопытные есть факты. Льщу надеждой себя, что вам они пригодятся.

Достоевский поблагодарил. И потом уже за чаем разговор продолжался о Сибири, которую печально познал Достоевский.

— Скажу однако: богатая сторона, но неухоженная, — заметил Федор Михайлович. — Но часа своего она еще дождется. Непременно дождется!..

* * *

А в Барнауле Гуляева ожидало приятное известие. Вольное экономическое общество в своем письме сообщало о награждении Степана Ивановича и его компаньонов серебряными медалями за прекрасные сорта табака гаванского, виргинского и порторико, выращенные в условиях Сибири.

В Барнаульской городской ратуше необычнолюдно и шумно. Здесь собрались жители города для вручения наград Вольного экономического общества отличившимся Степану Ивановичу и его последователям.

Степана Ивановича поздравляли, обещали полную поддержку его начинаниям. Число сторонников опытничества после этого заметно возросло.

Особенно радовался и ликовал Трофимыч, первейший и самый рьяный помощник Гуляева. А Гуляев на торжестве по случаю вручения наград заявил, что можно в Сибири выращивать не только табак, но и яблоки.

После пожаров в Барнауле Гуляевы поселились на Иркутской улице. За окружным училищем находился дом семипалатинского купца Гаврилова. Купец решил продать дом. Многочисленной семье Гуляевых все труднее было арендовать квартиру, но нелегко, не имея сбережений, решиться и на покупку дома. И все же Степан Иванович решил раз и навсегда разрешить квартирный вопрос.

Не обошлось без долгов, но дом был куплен.

Радовалась ему вся семья.

Дом выглядел довольно внушительно. Одноэтажный, но с бельэтажом, глядевший окнами на заводской пруд.

— Ну все, Сашенька, теперь ты у нас полноправная хозяйка, — говорил Гуляев жене.

— Так-то оно так, — соглашалась

она. — Да только долги у нас с тобой немалые. Боюсь, что за год не расквитаемся со своими кредиторами.

— Ничего. Главное сделано. А кредиторы подождут. Да и ссудная у нас не на год, а на два. Расплатимся.

Степан Иванович помолчал и круто повернул разговор:

— Меня больше беспокоит Александр. Пора ему серьезным делом заниматься.

— Но каким?

— А что, если определить Александра в типографию?

— Да где ж она, типография-то, в Барнауле?

— Откроем.

— Да ты шутишь, поди?

— Нет, Сашенька, не шучу. Дело это нужное.

И хотя затея казалась почти неосуществимой, Гуляев нашел возможность, средства — и к осени типография была открыта. И старший сын Александр проявил себя с самой лучшей стороны, оказался весьма старательным человеком и новую профессию осваивал очень быстро. Правда, типография была крохотной — и со всеми операциями управлялся один человек. Когда у Степана Ивановича не была готова рукопись какой-либо статьи, Александр торопил отца: проस्तавать не хотелось без дела.

И Степан Иванович однажды высказал мысль Александре Филипповне:

— А что, если брать заказы на типографские работы со стороны? Для Александра будет интереснее и разнообразнее работа, да и прибыльнее.

Типография, против ожиданий, быстро набирала силу. Заказы, особенно от барнаульских купцов, поступали бесперебойно и во все больших количествах. К концу первого года работы типографии Александр заявил:

— Одному мне не справиться.

Нашлись два ученика, потом еще три. Дела в типографии шли успешно. Литографский каток, изобретенный Степаном Ивановичем, помог значительно сократить физические затраты рабочих и время, необходимое для производства нужного количества оттисков. Вместе с тем значительно уменьшились материальные затруднения Гуляевых.

Спустя некоторое время Гуляев сообщил в Обществе поощрения русской торговли и промышленности об изобретенном им литографском катке, дабы от этого была общая польза.

Предпринимательская деятельность претит природе Степана Ивановича. Вскоре он полностью передал в руки сына Александра типографию. А сам увлекся другими изысканиями.

Не успели Гуляевы определить Александра, как подрос другой сын, Николай. Юноша со спокойным характером не подавал больших надежд, и поэтому Степан Иванович обращал пристальное внимание на его воспитание. Случилось так, что Николай не было дома под новый год. Отец написал сыну письмо-поздравление:

«...трудись, ибо премудрость даром не дается человеку. Веди себя благородно и

честно, но не делай того, что запрещает тебе совесть. Поступай всегда так, как следует доброму юноше. Избегай всего оскорбляющего и унижающего человеческое достоинство».

Кроме двух сыновей, в доме Гуляевых на Иркутской улице было еще четверо детей — два мальчика и две девочки, в воспитании которых принимала участие не только Александра Филипповна, но и сам Степан Иванович, несмотря на свою постоянную занятость.

* * *

После крестьянской реформы тысяча восемьсот шестьдесят первого года обязанности томского губернатора и начальника Алтайского горного округа стали отдельными, и резиденция последнего находилась не в Томске, а в Барнауле. Бывший главный начальник Алтайского горного округа стал называться просто начальником. Нетрудно понять, что ограничение власти горного начальника преследовало одну цель — сосредоточение внимания на вопросах, касающихся развития горного дела. Не случайно, что бывший до этого горным начальником Алтайских заводов Фрезе становился ныне начальником Алтайского горного правления.

Такой реорганизации требовало истощение природных богатств Алтая и поддержание уровня выплавки золота и серебра хотя бы на уровне, существовавшем до этого.

Алтайское горное правление, приспосабливаясь к нуждам пореформенного свободного рынка, начинает заниматься операциями, не свойственными ему ранее, — сдачей в аренду земельно-лесных угодий населению, золотосных месторождений частным лицам и так далее.

Заводы, выплавлявшие серебро и золото до реформы, меняют производственный профиль, частично закрываются. Постепенно горное дело на Алтае затухало.

Разносторонняя деятельность Гуляева таким образом была обусловлена важными общественными изменениями в Алтайской вотчине русских царей.

Как-то осенью в Барнауле появился крестьянин деревни Новой Белокурихи, рудоскатель Иван Никитович Казанцев. Удача в поисках месторождений руд долго не давалась этому человеку. Казанцев бедствовал, занимал у односельчан хлеб и деньги, но не отступал от поисков. Он исколесил чуть не все предгорья Алтая вдоль и поперек. И все напрасно. Однажды, поздней осенью, Казанцев забрел далеко от дому в горы. Долго копался в каменных распадах. Наконец, увидел в изломах камней признаки серебра. Только сейчас, когда удача, казалось, уже была в руках, Казанцев почувствовал необоримую усталость во всем теле.

Насобирав горного валежника, развел костер и лег отдохнуть. Незаметно для себя заснул. Когда почувствовал, как холод сводит все тело, проснулся и не поверил своим глазам — выпал снег по колено. Поднявшийся ветер закручивал снежные

воронки. На ногах у Казанцева легкая летняя обувь. Долго добирался он до первой деревни. Пришел туда с обмороженными пальцами ног. Зато с желанными камнями. Целую зиму провалялся Казанцев, залечивая пальцы, а следующей осенью подался в Барнаул.

Не так просто оказалось взять пробы с принесенной руды в Барнаульской заводской лаборатории. Тогда Казанцев обратился к Степану Ивановичу, узнав про его сочувственное отношение к простым людям.

— Разрешите войти, ваше высококордие? — спросил Казанцев, переступая порог кабинета.

— Да, да! Входите.

По одежде, внешнему виду Степан Иванович сразу угадал, зачем пришел Казанцев.

— Слушаю вас, — как можно мягче и проще сказал он.

Казанцев не решился сразу сказать причину посещения, замялся, потом, поборов нерешительность, заговорил:

— Я, ваше высококордие, из ново-белокурихинских крестьян, прискиваю руды в горы. Много лет искал и вот нашел, — Казанцев вытащил из кармана камень, в изломе которого поблескивала еле видимая иголка. — Пришел к вам, ваше высококордие, за помощью. Окажите содействие, чтобы заводская лаборатория взяла пробу с найденных камней.

В лаборатории было свое правило: пробирщики делали вид, что им не велено делать такое, единственно для того, чтобы выколотить с заявителя взятку. В своем стремлении они проявляли завидную настойчивость, пока не добивались своего.

— Где находится такое месторождение, нет ли вблизи него признаков других металлов?

— Этак верст сто от Ново-Белокурихи в полуденную сторону, там, где протекает ключ Безымянный. Могу точно указать на местности. Мне неведомо о том — есть ли признаки других металлов. Не откажите, ваше высококордие, иначе труды мои даром пропадут.

— Труды не должны пропадать даром, — серьезно сказал Гуляев. — Я помогу взять пробы на серебро. Где остановились?

— Премного благодарен, ваше высококордие! А остановился я, можно сказать... — замялся Казанцев. — Да это дело житейское.

— Вот что: пожалуйста ко мне. Места в моем доме хватит.

На другой день Степан Иванович сдал найденную Казанцевым руду на анализ. До получения анализа Казанцев жил радужными надеждами на удачу. И рассказывал Степану Ивановичу про все самое интересное, что встречалось ему на пути поисков руд.

В лаборатории сделали анализ. Руда, которую нашел Казанцев, оказалась крайне низкопробной и непригодной для проплавки. И хотя Степану Ивановичу не хотелось огорчать Казанцева, пришлось прямо сказать:

— Ну вот, теперь ты будешь знать, Иван Никитович, сколько содержит сереб-

ра руда, отысканная тобой. Скажу откровенно: ничтожное количество.

Известие огорошило Казанцева. Он был твердо убежден, что находка вознаградит его упорный труд, наполненный лишениями. Вышло все наоборот. Убитый неудачей, Казанцев спросил Степана Ивановича:

— Как же теперь быть? Ума не приложу.

Степан Иванович, как мог, утешил неудачника.

— Не надо отчаиваться, Иван Никитович. Будет еще у тебя удача, я уверен в том.

Казанцев, по настоянию Степана Ивановича, еще оставался в Барнауле. В вечерние часы Степан Иванович расспрашивал Казанцева обо всем, что представляло для него интерес. Казанцев, как правило, отвечал на это довольно неопределенно и уклончиво:

— Оно, может, Степан Иванович, много интересного встречалось, только с нашим пониманием всего-то не приметишь, не уразумеешь и не припомнишь. — Он подумал, помолчал и добавил: — Вот, скажем, в самой деревне нашей Ново-Белокурихе из-под земли бьют какие-то ключи, белым паром курятся, стало быть, теплые. Сказывают, целебные, но так или не так... кто их знает.

— А куда текут те ключи? Впадают ли они в какое-либо озеро или в речку? — заинтересовался Гуляев.

— Впадают ключи в озерко, что неподалеку от речки Белокурихи. Озерко то называется Змеиным, возле него — излюбленное место змей.

Степан Иванович узнал от Казанцева, что раньше, до возникновения деревни, на том месте находились малолюдные пасеки, а к озеру приходили красавцы маралы и подолгу пили воду.

— Стало быть, вода в том озере была вкусной? — предположил Гуляев.

— Местные охотники устраивали засады за большой глыбой, на левом берегу речки. Чуткий и сторожкий зверь дорого расплачивался за эту водицу, — рассказывал Казанцев.

Степан Иванович воскликнул:

— Дорогой Иван Никитович, ты не представляешь, что горячие эти ключи могут оказаться ценнее любых твоих других находок! — И уже как бы про себя рассуждал: — Несомненно одно: белокурихинская вода содержит минеральные соли и потому привлекает к себе диких маралов и домашних скот. Прошу тебя, Иван Никитович, прислать мне при первой возможности этой воды в хорошо закупоренной посуде. Необходимо снять с нее анализы.

Степан Иванович горячо взялся за переписку о белокурихинских источниках. Достоверность сведений Казанцева подтвердили письмами бийский мировой посредник Мамонтов, священник села Ново-Тырышкино Ненарокомов.

Казанцев уехал в Ново-Белокуриху, и Степан Иванович с нетерпением ожидал от него посылки. Наконец, она пришла с одним крестьянином, приехавшим в Барнаул по своим надобностям.

Степан Иванович пригласил на проба-

цию белокурихинских вод людей знающих, образованных: пробирщика заводской лаборатории, аптекаря, госпитального врача, медицинского инспектора Алтайского горного округа. Вечером в назначенный час собрались в доме Гуляева. Сидели за пустым столом. И постороннему взгляду могло это застолье показаться странным. Хозяин поставил перед каждым по фужеру, наполнил жидкостью из бутылки черного стекла.

— Прошу, господа!

Собравшиеся осторожно пригубили, медленно пили прозрачную воду. Молча что-то записывали на бумаге. Царила необыкновенная тишина, сосредоточенные вздохи.

Первым высказался госпитальный врач:

— Господа, должен сказать, что вода при прозрачном цвете имеет резко выраженный щелочный привкус.

— И содержит газы, которые резко ударяют в нос и выбивают слезу, — добавил аптекарь.

Степан Иванович выжидательно молчал, прятал улыбку в кончиках усов. Подтверждалось его предположение о целебности белокурихинской воды. Но каково было его удивление, когда присутствующие медики отнеслись к такому мнению довольно скептически. Госпитальный врач прямо сказал:

— Не следует слишком опрометчиво судить о свойствах воды. Необходим самый строгий анализ. Только тогда рекомендовать ее в качестве целебной.

— Но ведь свойства воды, отмеченные вами, как раз и свидетельствуют об их целебности.

— Это надо подтвердить авторитетно.

Когда ушли медики, Александра Филипповна спросила:

— Ну, что? Понравилась им белокурихинская вода?

— Конечно, Сашенька! Но важнее сейчас другое: необходимо доказать целебность белокурихинской воды официально. И развеять тем самым всякие сомнения...

* * *

Стояла жаркая засушливая пора. Дождей не было почти все лето. Некогда зеленые луговинки на берегу заводского пруда пожелтели.

Резко пал уровень воды в заводском пруду. Плавил руды на серебро лишь восемь печей, но и те временами действовали с перебоями. Не лучше дело обстояло и на других алтайских заводах.

Генерал Фрезе метался в поисках выхода из создавшегося положения. Найти выход оказались не в состоянии ведущие специалисты Алтайского горного правления.

Тогда Фрезе вспомнил о Степане Ивановиче Гуляеве: «Этот человек всюду пресуежает. Хотя он и не ахти какой высокий специалист в горном деле, но может подать полезную мысль». Пригласив Гуляева, генерал спросил:

— Вам известно, господин советник, бедственное положение барнаульского завода? Каково ваше мнение относительно увеличения запасов воды в пруду?

Степан Иванович подумал, что дела действительно плохи, если Фрезе обращается к нему за помощью.

— Выход простой: углубить дно.

— Но как это сделать? — спросил Фрезе.

— Сделать это можно зимой. Для того потребуются люди... Немало людей, ваше превосходительство.

Фрезе вздохнул:

— Боюсь, что это неосуществимо. Мне необходим выход сию минуту! А до зимы слишком далеко.

— Не вижу другого выхода, ваше превосходительство.

На том и расстались.

Степан Иванович вернулся от Фрезе с тяжелым чувством на душе. Но вскоре, вернувшись к заботам о белокурихинских водах, позабыл о разговоре с начальником округа. Надо было приложить все усилия, дабы заинтересовать научную и медицинскую общественность в практическом использовании белокурихинских источников. Степан Иванович послал статью, и вскоре она была опубликована в «Записках Русского географического общества» и в «Томских губернских ведомостях». В течение трех месяцев он написал множество писем в столичные научные общества, ученым. Академик Бэр обещал сообщить влиятельным лицам из Русского географического общества о свойствах белокурихинской воды и привлечь внимание к ней самого председателя барона Остен-Сакена.

Степан Иванович не стал дожидаться откликов на его предложения и продолжал пробивать брешь в стене холодного равнодушия свыше. Он написал большую и обстоятельную статью о щелочных, соленых, серных и железных источниках Алтайского горного округа и послал ее в Академию наук.

Однако дело не сдвинулось с места. В сухих и сдержанных ответах-откликах Степан Иванович уловил почти полное равнодушие и отсутствие интереса к его открытию.

Оставалось одно из двух: либо бросить затею с белокурихинскими ключами, либо предпринять практические шаги к освоению открытого месторождения минеральных вод.

Не имея лишних денег, Степан Иванович тем не менее решил оборудовать лечебницу.

Барнаульский чиновник Рекс, один из немногих разделявших увлечения Степана Ивановича, взял отпуск в летний месяц и согласился поехать в Ново-Белокуруху вместе с сыном Гуляева гимназистом Николаем-старшим.

Приехав на место, они начали строить неподалеку от источников из толстых плах вместительный сарай. Местные крестьяне, узнав, что затевают приезжие из Барнаула, сокрушенно качали головами и неодобрительно говорили:

— Чавой-то надумали строить господу из Барнаула? Видно, денег у них куры не клюют, коли так размахнулись!

Другие отзывались более лестно:

— Сарай-то ладный строят, без единой щелочки. Видать, скотину содержать будут. Чуть не целое лето находились приез-

жие в Ново-Белокурухе. Когда сарай был готов, они объявили крестьянам об открытии лечебницы. Но лечиться никто не желал. Крестьяне даже стали подальше обходить это странное сооружение.

— Ну и олухи! Для них добра желать, а они нос в сторону воротят! — возмущался Николай.

И тогда Казанцев привел в лечебницу чуть не силой свою престарелую мать, страдавшую ревматизмом.

Больную начали лечить водами. И недели через три она почувствовала улучшение и даже оставила палочку, с которой пришла сюда. Новость тотчас облетела округу. И жители Ново-Белокурухи не переставали удивляться:

— Это же надо, бабка Аксинья, мать Ивана Казанцева, ходила с батажком, а теперь вона как резво бегаёт. Чудо да и только!

Другие все еще не верили:

— Куды там... от безделья господа мыкаются! Ентому емназисту куды ни шло по молоджавости да по неразумению, а пожилому делу посурезней выбрать надобно.

Что ни говорили белокурихинские крестьяне, а к сараю пролегла торная тропа. Слухи об излечении бабки Аксиньи сделали свое. В Белокуруху потянулись даже из окрестных деревень. Первая партия больных сыпями и золотухой успешно закончила курс лечения. Белокурихинские крестьяне почесали в затылках да и прикусили языки. Весть о барнаульских лекарях-чудодеях дошла до многих сел. Сарай уже не мог вместить всех желающих излечиться.

Вырос в глазах односельчан и Иван Казанцев. Теперь при встречах с ним крестьяне почтительно кланялись, зазывали к себе в гости:

— Заходил бы, Никитич, в воскресенье, баба будет печь пироги. Отведал бы чайку с медом.

Степан Иванович ликовал: значит, его предложения подтвердились!

Предстояло подумать над расширением примитивной лечебницы. Степан Иванович одолжил кое у кого денег и на следующее лето взял отпуск, чтобы заняться устройством настоящей и первой на Алтае водолечебницы. Такое начинание нашло горячую поддержку со стороны бийского мирового посредника, некоторых ученых и врачей.

Вместе с профессором Калиновским, врачом Михайловским в этот раз приехал Степан Иванович в Ново-Белокуруху.

На сей раз крестьяне встречали приезжих без насмешек, приветливо, охотно оказывали помощь.

Устоявшуюся тишину деревни с утра до вечера нарушал бойкий перестук топоров и молотков, звон железа. Степан Иванович начинал строительство новой лечебницы на выходе источника на поверхность земли. Через несколько дней здесь появилось необычное сооружение — высокий деревянный чан-резервуар, прочно охваченный массивными железными обручами. В сарае стояла привезенная из Барнаула ванна темно-серого гранита, взятая в госпитале. Она сообщалась с резервуаром через железную трубу.

Крестьяне смотрели на диковинное и невиданное до сих пор сооружение с затаенным интересом. Медики все дни были заняты испытанием напора воды в трубе, многочисленными анализами. Когда испытания закончились, они приступили к составлению практического руководства по лечению золотухи, сыпей и ревматизма. Целебные свойства Белокурихинских источников стали очевидными, к ним увеличился приток больных не только из близлежащих сел, но и из отдаленных городов Сибири и Дальнего Востока.

Барнаул явился своеобразным отделением Белокурихинской лечебницы. Казанцев оказался деятельным человеком, часто присылал бочонки с водой. Степан Иванович успешно лечил горожан от многих болезней. Барнаульские медики, боясь за собственный престиж, отзывались о Степане Ивановиче не лестно: «Не в свои сани запрягся человек».

Степан Иванович между тем принял ходатайствовать перед Министерством здравоохранения о необходимости более широкого использования Белокурихинских источников. Он сообщал дополнительные сведения о вновь обнаруженных тридцати минеральных источниках в Алтайском горном округе.

Больше года длилось томительное ожидание. Пришлось убедиться, что не всех интересовало открытие Белокурихинских минеральных источников. Наконец, Министерство здравоохранения ответило, что не может принять предложения Гуляева, так как не имеет средств для освоения минеральных источников.

Степан Иванович безвозмездно передал свой пай в Белокурихинских сооружениях Ивану Казанцеву, надеясь, что тот не подведет его и сохранит начатое полезное предприятие до лучших времен хотя бы в первоначальном его виде и объеме.

Позднее Степан Иванович заинтересовал в этом деле известного в России бальнеолога доктора Вебера, издателя листка «Русские минеральные воды». Но дальше сочувствия дело не шло. Только спустя длительное время, когда Гуляева уже не было в живых, Белокуриха превратилась в известную здравницу России.

* * *

Плавильные заводы на Алтае с времен своего основания работали на древесном угле, который выжигали крестьяне в лесосеках. Так продолжалось до второй половины девятнадцатого века, до тех пор, пока Гурьевский железодельательный завод не перешел на использование каменного угля. Все заводские печи — плавильные, обжигальные, кузнечные горны — требовали ежегодно сотни тысяч кубических сажень древесного угля. Все дальше отступали от рудников и заводов вековые дремучие леса. Особенно страдало от вырубок правобережье реки Оби вблизи Барнаула. Уникальный ленточный бор, жгущившийся от Барнаула до Семипалатинска, шадил тогда лесорубов. Зато на правобережье Оби ему не было пощады. Под топором валились вековые сосны, красавицы березы.

Оголенные от леса берега реки двигались, как живые. Река петляла по новым неизведанным руслам, расчленилась на рукава, замыкалась в мертвых непроточных старицах.

Начальство Алтайских заводов замечало исчезновение лесов и давало обстоятельное объяснение в официальном описании каменноугольных месторождений такому факту.

Этот документ сообщал для сведения следующее: «... малое железное производство и обширность лесов — главные причины, почему при настоящей промышленности древесный уголь предпочитается каменному».

Нелепость такого утверждения вполне бесспорна. Царские слуги на Алтае уничтожали леса единственно из-за того, что не хотели утруждать себя более дорогостоящей и трудоемкой добычей каменного угля.

Степан Иванович со всей страстью выступил в защиту лесных богатств. Он убеждал Алтайское горное правление в бесспорных преимуществах каменного угля перед древесным в горнозаводской промышленности. Путем переписки он кропотливо собирал многочисленные данные о новых месторождениях, по его выражению, «этого полезного во всех отношении минерала».

Настойчивость Гуляева раздражала Алтайское горное правление. В одном сообщении он писал об открытии месторождений высококачественного антрацита по реке Аягузу в пятидесяти верстах от Сергиополя и в ста двадцати от Семипалатинска.

Однако Алтайское горное правление отвергло мысль об исследовании новых месторождений.

«Видно, и затею с каменным углем ожидает та же участь, что и с Белокурихинскими минеральными источниками», — с грустью подумал Гуляев. Было отчего задуматься — пока ни одно его предложение безоговорочно не было принято горным начальством. Но Гуляев не падал духом.

* * *

Декабрьским днем Степан Иванович зашел на Барнаульский почтамт для оформления посылки в Русское географическое общество. Как и во всяком присутственном месте, на почтамте сдержанный людской говор, сквозь который порой выделялся бойкий перестук почтовых штемпелей.

В просторной и несколько вытянутой комнате, у высокой дощатой перегородки с крохотными подслеповатыми оконцами толкались десятка два посетителей.

Степан Иванович, входя, заметил почтмейстера, который разговаривал с каким-то мужчиной в дубленой шубе просторного покроя. Спинку шубы грязно-белого цвета украшали заплатки самых разнообразных форм и размеров.

Почтмейстер явно был чем-то недоволен и грубо выговаривал своему собеседнику:

— Как тебе не стыдно? Знаешь ли ты, грех телячий, что без медвежьей шкуры в почтовых разъездах никак не обойтись!

Когда ты, наконец, выполнишь мой заказ?

Человек переминался с ноги на ногу в неловком замешательстве, виновато моргал глазами, сдержанно гудел в свое оправдание.

— Зять болен, ваше высокородие! Одному мне не под силу такой заказ выполнить. Шкура медвежья требует силы, чтобы отмять ее... Этак дни через три отомнем... мятка станет, что замша или бархат.

Почтмейстер резко хлопнул дверью, а собеседник его направился шаткой походкой к окныцу. Лицо у него болезненно усталое, взгляд воспаленных от переутомления глаз рассеянный и безразличный.

Степан Иванович с какой-то затаенной надеждой спросил человека, как можно мягче и проще:

— Вы никак мастер-скорняк?

Человек почему-то виновато и растерянно улыбнулся, пространно и несколько путанно ответил:

— Мы-то с зятем робим... можем выделывать бараньи, волчьи, медвежьи и иные шкуры... шубы также шьем, всякие: простые и борчатые... тулупы, полшубки, меховые рукавицы тоже... ежели нужна в чем есть, забегайте, в Ивановском лугу живу, что от улицы Большой Олонский вверх убегает, поблизости от церкви Знамения господня... Лапина Семена спросите. Меня все там знают.

Лапин по-смешному окал и занкался от волнения, а может, после почтмейстерского разноса не мог еще прийти в себя.

Степан Иванович, стараясь вывести из под недавнего воздействия почтмейстера, сказал:

— Прошу извинить, но я не имею свободного времени. Не можете ли вы у меня на дому выделать медвежью шкуру для починки дорожного одеяла? Я живу на Иркутской улице. Спросите Гуляева.

— Гуляева? — оживился Лапин. — Дак о вас я много слышан. Когда прикажете приходить?

— Прошу, если можете, в следующее воскресенье.

Лапин пришел к Степану Ивановичу в воскресный день после завтрака. Заказ выполнял старательно, и мастер он, видать по всему, был неплохой.

Степан Иванович из разговоров с Лапиным узнал, что он не здешних мест, крестьянин Владимирской губернии Вязниковского уезда Прудовской волости. Переехал в поисках счастья на Алтай без гроша в кармане и поэтому не мог получить приемного приговора на пользование землей ни в каком сельском обществе и вынужден поселиться в Барнауле. Здесь он решил заняться знакомым ему в России ремеслом — выделкой овчин и шитьем из них шуб. Дела у Лапина шли туго. Заработанного еле-еле хватало на содержание многочисленной семьи из шести ртов — болезненной жены и четырех ребят.

Старшая дочь Лапина вышла замуж, но молодожены не пошли в раздел. Глава семьи вздохнул: вроде чуть полегче стало — зять оказался единственным и неплохим помощником.

— Дело наше никудышное, полшубок плохо идет в продажу, потому как овчины

не можем красить, — жаловался Лапин своему заказчику. — Вон шадринские да романовские полшубки, что выработываются в Шадринске да Казани ценой намного выше наших, а покупаются охотнее. Оттого, что черные.

Степан Иванович как-то сразу проникся к Лапину уважением и доверием. Быть может, бесконечные неудачи в жизни Лапина явились причиной такого уважения.

— А сами вы не делали попыток красить овчины? Какие красители применяли? — спросил Степан Иванович.

— Пытался, Степан Иванович, и не раз окрасить овчины в черный цвет, только ничего, кроме убытку, не получалось. Перепробовал много красок, да, видно, нет у меня на то талану.

Однажды Лапин услышал от кого-то, что дубленая овчина при обработке ляписом приобретает приятный и черный с отливом цвет. Решил попробовать. Ляпис стоил довольно дорого и отпускался из аптек по специальным разрешениям полиции. Начались настойчивые до унижений просьбы, ходатайства. И перед настойчивостью незадачливого шубника не устояла даже полиция. Ляпис был получен.

— Начал я смачивать ляписом овчины. Вижу — цвет получается густой и черный, душа моя возрадовалась. Только недолгой была моя радость. Опять ничего не получилось. Овчины от ляписа погорели окончательно, тряхнешь ее — рассыпается. И руки мои пожег, — вытянул он ладони, показывая Гуляеву.

Степан Иванович еще раньше заметил на них белые круглые пятна с багрово-синими рубцами по краям, но из деликатности не спросил, что это за ожоги. Теперь все стало понятным.

Степан Иванович под впечатлением рассказанного долго молчал и думал про себя: «Вот так и случаются в жизни открытия простых людей, порой не доступные науке. Через лишения, полные отчаяния и безысходности...»

Через несколько дней Лапин закончил выделку медвежьей шкуры и трех телячьих выворотков. Степан Иванович, удивленный, что так скоро Лапин справился с работой, сказал:

— Быстро справился, Семен! Не как у почтмейстера?

— А ну его! Он не заплатил мне до сих пор за прошлогодний заказ. Как аукнется, так и откликнется, Степан Иванович.

— Да, это так, — согласился Степан Иванович и, подумав немного, сказал: — А хочешь, Семен, я помогу тебе найти краску для овчин?

— Это почему же не хотеть? Да я вам, Степан Иванович, век буду за это благодарный! Но где вы ее найдете?

— То дело мое, Семен. Раз сказал помогу — значит, так и будет, — загадочно ответил Гуляев.

* * *

Весна была дружной. Сошли снега. Появилась первая зелень, а вместе с нею и неизменная городская пыль. Спешно приводились в порядок проезжие и непроезжие

участки города. Подновлялись фасады кабинетских и купеческих зданий. Даже обывательские дворы под метелку были очищены от многолетних залежей грязи и всевозможного хлама.

Отцы города готовились к встрече великого князя. Готовились дорогие подарки. Суета перед встречей захватила и увлекла не только отцов города, но многих чиновников, купцов и обывателей. Хотелось попасть на глаза великому князю, сыскать его внимание, продвинуться по служебной лестнице либо поправить свои материальные дела.

Степан Иванович, оставаясь в стороне от общей суеты, продолжал применять многие минеральные и химические краски во всевозможных смесях с реагентами и все безуспешно. Но в поисках красителя он совершенно случайно обнаружил заменитель дорогостоящего чернильного орешка. Однажды он съел несколько чилимных орехов, что растут на луговых озерах, и тотчас обратил внимание на то, что кожа его имеет вяжущий вкус, напоминающий вкус чернильного орешка... Надо было проверить догадку. Степан Иванович отварил в горшке чилимную кору, распарил ее в русской печи, а затем этот раствор смешал с раствором железного купороса. Образовавшийся состав черной жидкости для окраски овчин, однако, не годился. Зато чернила получились прекрасными.

Но поиски шубного красителя не прекращались. И упорство Гуляева было вознаграждено.

Отвар ивовой коры он смешал с раствором хромово-кислого калия — получилась устойчивая черная краска, цвет которой становился гуще при замене ивового отвара сандаловым. Краска устойчиво окрашивала овчину, но сильно пачкала. Нужно было найти правильную пропорцию смесителей. Наконец, после многих проб необходимая пропорция была достигнута. На этот раз краска получилась чернее осенней ночи и такая стойкая, что не смывалась с рук ни мыльной горячей водой, ни крепким щелоком.

— Нашел! Кажется, нашел! — еще не веря в удачу, радостно воскликнул Степан Иванович. И в тот же день отправился к шубнику Лапину. Тот на радостях чуть не пустился в пляс.

— Степан Иванович, неужто?

— Давай, давай, пробуй, — как бы привел его в чувство Гуляев. — Надо проверить на деле. А потом, если что, дак и спляшем, куда ни шло...

Лапин приготовил все необходимое, взял овчину, встряхнул и осторожно, медленно стал покрывать раствором. Степан Иванович видел, как с лица Лапина не сходило выражение строгой торжественности.

И вдруг лицо его озарила победная улыбка, он громко и радостно воскликнул: — А ведь получается! Глядите.

В полуподвале, где размещалась мастерская Лапина, свершилось действительно чудо. Через несколько минут овчина вышла и приняла цвет нежного черного бархата. Успех был полным. Выкрашенную овчину Лапин мочил в воде, потом сушил. Она не меняла окраски и не колела, то есть не

лопалась, как бы ее ни перегибали и ни мяли.

Степана Ивановича поздравляли с новым способом окраски овчин. Письма с поздравлениями шли со всех уголков Сибири. Весть об открытии перешагнула границы Сибири. Овчинные шубы-барнаулки получили широкую известность. Вместе с потоками поздравлений Степану Ивановичу приходили просьбы о высылке черных барнаульских шуб. Томская губернаторша Аделаида Родзянко, получив три овчины, окрашенные по способу Гуляева, была в восторге. «Эта совершенная прелесть может иметь громадное применение. Позвольте вас поздравить с таким блестящим результатом», — писала она изобретателю.

А Степан Иванович продолжал работать над способом удешевления знаменитых шуб-барнаулок. Он предложил Лапину заменить дорогие вышивные украшения по подолу шуб цветным и более дешевым литографским тиснением.

Открытие Степана Ивановича принесло Барнаулу славу центра овчинно-шубной промышленности Сибири. Через год овчины, окрашенные по способу Гуляева, получили высокую оценку комиссии по устройству Всероссийской выставки и «Общества поощрения русской промышленности и торговли». И действительно овчины выдержали самые придирчивые испытания.

И все-таки Степан Иванович, верный принципам справедливости, признавал преимущество романовских овчин перед барнаульскими качеством волны, или меха. В письмах к влиятельным лицам он утверждал, что такое преимущество потеряется, если заняться разведением на Алтае тонкорунного овцеводства, улучшением местных пород овец.

Между тем Лапин быстро шагал в гору. Его «барнаулки» пользовались большим спросом на общероссийском рынке, весьма успешно конкурируя с шадринскими и романовскими шубами.

* * *

Дочь Степана Ивановича Елизавета вышла замуж за Словова, сына известного историка Сибири, и вскоре переехала в Омск. Степан Иванович завязал переписку с зятем, который оказался на редкость любознательным человеком.

А из Петербурга друзья писали о том, что присланная Степаном Ивановичем нельма понравилась всем, особенно немецким ученым: Брему, Финту, Цейлю и Шиферу. И шутливо добавляли: потому и решил Брем совершить поездку на Алтай. Так что жди гостя!

Брем приехал в Западную Сибирь во главе зоологической экспедиции. Маршрут экспедиции предусматривал продолжительную остановку в Барнауле и знакомство с достопримечательностями музея, а также с коллекциями любителей исследования Алтая.

Брем плохо знал русский язык. Степан Иванович не лучше — немецкий. С приездом в Барнаул Брем познакомился со Степаном Ивановичем очно. Первая встреча прошла довольно любопытно: каждый из

знакомившихся говорил не на родном, а на чужом для него языке. Неудобные выражения и недомолвки постепенно исчезали, выработывался своеобразный язык общения.

Потом встречи проходили попеременно то в доме Степана Ивановича, то в музее, где больше всего времени проводил Брем. Беседы касались больше всего животного мира, археологических находок.

Особый интерес Брема вызвал рассказ Степана Ивановича об убитых на Алтае тиграх. Брем что-то записал в тетради и сказал:

— Этого не может быть! Но я вам верю.

Брема поражали разносторонние знания Степана Ивановича, его увлеченность.

Впоследствии многие советы Гуляева Брем успешно использовал при написании своего обстоятельного труда «Путешествие в Западную Сибирь».

* * *

Несмотря на свои немолодые годы, Степан Иванович, как и прежде, всегда записывал былины и песни, сказы и заговоры, пословицы и поговорки, созданные народом. Он полагал, что может получить много полезного из устного народного творчества, если обратит взор к Кольвани.

Известно, что там, на реке Белой, был основан еще Демидовым первый медеплавильный завод на Алтае, но из-за маловодья реки был перенесен поближе к Кольванскому озеру. Громадная горнозаводская округа на Алтае стала называться Кольвано-Воскресенской.

Степан Иванович думал получить из Кольвани образцы первозданного устного народного творчества, потому и затеял переписку с мастером Кольванской шлифовальной фабрики Стрижковым, сыном знаменитого художника-камнереза Филиппа Стрижкова. Кольванская шлифовальная фабрика существовала с тысяча восемьсот второго года вместо закрытого медеплавильного завода.

Стрижков охотно выполнил просьбу Степана Ивановича и начал записывать песни.

Но каково было удивление собирателя песен, когда на пути к тому встретились непреодолимые трудности — крестьяне Кольвани и ее окрестностей почти не поют. В письме к Степану Ивановичу Стрижков сообщил: «... веселых людей здесь нет».

Действительно, поэзия потомственных горнорабочих не отличалась ни богатством красок, ни тонов. Степан Иванович знал о том.

Но желание познакомиться с песнями, бытовавшими среди горнозаводского населения Алтая, властно владело им. Сообщения Стрижкова явились полной неожиданностью. Во всяком случае тетрадка с песнями, записанными Стрижковым в Кольвани, как нельзя лучше проливала свет на мрачное прошлое горнозаводских работников Алтая.

Степан Иванович давно и хорошо знал барнаульского мещанина Моисея Тренихина. Чем только не приходилось заниматься

в жизни ему!.. Торговал мясом, рубил лес, катал валенки, ловил рыбу, засеивал пашню. Но полнее всего раскрылась душа Тренихина, когда он торговал зеленью или мясом. Здесь ему не было равных. Голос Тренихина выделялся среди рыночных торговцев-завывал:

— Продаю, мотаю, сам в Москву уезжаю!

— Не купишь товар у купца — не видать тебе молодца!

— Только вам товар по дешевке продам!

— Товар возьмите — хозяина удивите!

Для каждого покупателя у Тренихина имелся свой присказ, поэтому подвыпившие после изнурительной работы мастеровые, пропахшие кухней стряпухи со сдержанными улыбками бросали Тренихину разменную медь и уходили, довольные покупкой.

К концу дня успешно поторговавший Тренихин садился на извозчика и ехал к трактиру. Тут он угощал не только друзей, но и каждого встречного, хвалившего купеческий талант Тренихина. Но как успешно ни шел торг Тренихина, при всем этом он не мог пробиться в гильдию.

Степан Иванович заинтересовался неудачником-балагуром. Почему-то подумалось, что у таких людей, как Тренихин, должен быть несбывшийся талант. Как-то однажды, уже познакомившись с Тренихиным, Степан Иванович заговорил с ним:

— Откуда у тебя, Влас Петрович, такие прибаутки, что никто тебя мимо не пройдет, не купив товар?

— Э-э, Степан Иванович, не с ентной ноты начали песню, — сказал в ответ Тренихин. — Какие тут присказки, когда из этой головы все путнее ветром выносит! Ежели желаете послушать присказки да сказки, так только у старика Тупицына. Тот-то уж их знает множество! Да так рассказывает, что слезу вышибает из глаз. Тот за тридевять земель в тридесетом государстве бывал, меды царские пивал. Вот он какой тот Тупицын! Золотой человек!

Тренихин завел речь о семидесятидвухлетнем крестьянине деревни Ересной Леонтии Гавриловиче Тупицыне, человеке интересной судьбы. Степан Иванович страстно ждал встречи и знакомства с Тупицыным.

Леонтий Тупицын приехал в Барнаул на базар с березовыми дровами, сетами, мордушками и другими рыболовными снастями. Степан Иванович находился там и услышал голос Тренихина, обращавшегося к нему:

— Степан Иванович, пожалуйста сюда, вот вам и Леонтий Тупицын, знакомьтесь.

Тупицын подал руку, не снимая рукавиц-голиц, будто давно знал Степана Ивановича.

— Знакомьтесь — не чай пить и не дрова рубить! Здрасте — вот и знакомство.

— Здравствуйте, Леонтий Гаврилович! Рад видеть вас. Жаль мне сейчас не досуг, заезжайте ко мне, как кончится ваш торг! На Иркутскую улицу, дом стоит на солнечной стороне, на углу Первого Прудского переулка. Спросите Гуляева Степана Ивановича.

— Заеду, как рано управлюсь с прода-

жей. А коли не управлюсь, то не обессудьте, — сказал с достоинством Тупицын, не оставляя у Степана Ивановича надежд на встречу.

Ударили лютые крещенские морозы. Мелкая колочая изморозь висела в воздухе. Степан Иванович вернулся со службы домой раньше обычного, спросил у жены: — Никто не спрашивал меня?

Не успела ответить Александра Филипповна, как вот он и гость на пороге:

— Можно ли гостю незваному войти в покои?

В дверях кухни показалась знакомая по рынку фигура Тупицына, в армяке из домотканого коричневого сукна, одетом поверх полушубка, от которого исходил крепкий морозный дух.

— Знакомься, Сашенька, — представил гостя Гуляев, — Леонтий Гаврилович Тупицын, знаменитый сказитель.

— Ну, вы уж прямо и знаменитым меня именуете. Не надо так-то, Степан Иванович. Поближе к земле надобно.

Леонтий был слеп. Это заметил на рынке Степан Иванович по тому, как Леонтий неуверенно шагал вдоль воза. Но не спросил о том ни у Тренихина, ни у самого Тупицына. Глаза у Тупицына, слегка помутневшие, смотрели, как у зрячего, прямо и открыто.

Они хорошо ощущали свет яркого солнца и пламени горящей свечи, но не различали очертаний окружающих предметов.

— Как же вы нашли дорогу к нам? — спросил удивленный Степан Иванович.

— Свет не без добрых людей. Я приехал на рынок не один, а с зятем, он довез меня, а сам уехал домой.

Степан Иванович помог Тупицыну раздеться, провел в гостиную.

— Как я рад вашему приезду, дорогой Леонтий Гаврилович! Вся моя семья ожидает вас.

В гостиной и вправду собрались все домочадцы. Когда гость вошел, его приветствовал старший сын Александр краткими словами:

— Многих лет жизни нашему дорогому гостю Леонтию Гавриловичу! Просим к столу, — и тотчас, подойдя к Тупицыну, взял его под руку и усадил на самое почетное место.

Тупицын, видимо, не ожидавший столь внимательного приема, смешался и не знал, как ответить на такую откровенность и душевность хозяев. Наконец, не выдержав, Тупицын сказал веселым голосом:

— За что вы меня встречаете, как Ивана-царевича, вернувшегося из дальнего похода с победой над супротивником?

Как и всегда в доме Гуляевых за чашкой чая завязались самые неожиданные беседы.

Александра Филипповна пожаловалась на трескучие морозы. Леонтий успокоил ее:

— Скоро, матушка, конец придет морозам. Есть такая верная примета в жизни: деревья в куржаке или изморози стоят, тронешь рукой, куржак наземь песком осыплется — значит, поминной, как мороз звали!

— Говорят, весной будет большое наводнение, а урожай на полях — отменный,

потому как снега выпали очень глубокие, — выказал свою осведомленность Александр.

На что Леонтий ответил:

— Не-е! Не будет нынче большого наводнения и урожая тоже. Прошлая осень была пыльная и сухая. Снег, стал быть, лег на сухую землю.

Больше всех расспрашивал Тупицына Степан Иванович и узнал из ответов, что прадед Леонтия Лазарь вышел откуда-то с реки Ишима, вскоре после прихода Демидова на Алтай, и поселился на месте Ерсеной у подошвы крутого косогора. Жили тогда в землянках, промышляли рыбой, работали на Барнаульском заводе.

— Помню, что дед Иван прожил восемьдесят, отец за семьдесят лет и умер. Оба они знали много преданий, песен и былин. А дед мой к тому же был свадебным дружкой и знахарем. Песни пел браво, потому и не обходилась без него ни одна свадьба. Отец мой Гаврила тоже все время пел песни. Бывало, нарядят его на Ямышевские и Боровские озера на соляные промыслы, а он поет-заливается! Веселит, значит, подневольный люд. За то, бывало, казаки урядники да и казаки позволяли ему набраться без платы по три воза соли. В нашем роду занимались песнями, былинами да сказками, как видно, начиная с прадеда Лазаря.

— А сами, Леонтий Гаврилович, вы поете песни, рассказываете сказки и былины?

— А как же, случилось и не однажды! Пел после смерти отца и до этого.

Поведал Леонтий слушателям, что он овдовел к сорока годам. От первой жены осталось три сына и три дочери, которые живут самостоятельно, в разделе, да от второй жены у него четыре сына и две дочери.

Леонтий Тупицын — рыбак. Делал лодки-долбленки из ветловых деревьев, телеги, вил веревки, вязал сети.

Но с уменьшением семьи, с отделением сыновей, хозяйство его расстраивалось, приходило в упадок. Особенно это стало хорошо заметно, когда с ним приключилось два несчастья.

Однажды поехал Леонтий за реку Обь за сеном на санях-дровнях. Неведомо как в ногу вонзилась сосновая зелина, из которых городили заездки для верш. Леонтий сгоряча обломил занозу, после того нога не давала ходить нормально, рана не заживала. Пришлось ходить на костылях. А потом на другой стороне ноги против раны образовался нарыв и показался конец занозы. Леонтий вытащил ее, рана закрылась, но нога осталась согнувшейся. Ходил после этого Леонтий, будто готовился к прыжку, — становился на кончики пальцев, не касаясь земли всей ступней.

А тут почти рядом вторая беда. Вечером Леонтий возвращался от двоюродного брата Ивана Тупицына, у которого обсуждали предстоявшую рыбалку. Вечер выдался на редкость тихий и безмятежный. Леонтий уже предвкушал хорошую рыбалку. Но в переулке с косогора неожиданно налетел ветер, нанес тучи пыли, отчего у Леонтия затряслись веки и потемнело в глазах. Сколько потом ни обращался он к медикам, те беспомощно разводили руками

и говорили мало утешительное: «Такое бывает, батенька, ничего не поделаешь».

Ослепнув, Леонтий не бросал активно работать. Он не мог, как прежде, долбить лодки, заниматься рыбалкой, но выдалбливал корыта, сеяльницы, ночевки, или лотки для калачей, делал деревянные вилы, грабли, прятал на самопряхе, которую сделал сам, вил веревки, вязал сети.

Однажды жена Леонтия скроила зипун, решив, что сошьет его, как позволит время. А когда хватилась, зипун уже был шит.

— Неужто сам спроворил? — удивленно спросила у мужа.

— То-то и есть, что сам, — ответил без гордости Леонтий. И делал он всякую работу, казалось бы, подчас и зрячему непосильную.

* * *

Наутро Степан Иванович, как и всегда, поднялся с постели ни свет, ни заря. И удивился немало, увидев Леонтия, спавшего не в кровати, где постелила ему Александра Филипповна, а на широкой и жесткой кухонной лавке.

— Леонтий Гаврилович, зачем же вы не в кровати спите? Обижаете хозяев такой выходкой.

— Не пристало, Степан Иванович, мне отвыкать от лежанки-то, — ответил гость. — Привышней мне так-то.

Утром Леонтий за чаем вел себя, как и вечером: отказывался от белых калачей и сахару, попросив ржаного хлеба, который сдобрил подсолнечным маслом, густо посыпал солью и съел все это с большой охотой.

Настала пора прощаться с Леонтием. Вшел сын Александр, одетый по-дорожному, весело сказал:

— Крытые сани готовы к отъезду.

Леонтий уезжал, оставив у хозяев приятное впечатление своей простотой и общительностью.

— Приезжайте еще, Леонтий Гаврилович! — приглашал Степан Иванович.

— Обязательно приеду, — обещал Тулицын. — Как выпадет путь, тогда и навещу вас.

* * *

Помимо того, что Степан Иванович поддерживал письменную связь с отдельными официальными лицами, учеными по вопросам просвещения, развития культуры, он и сам выступал поборником просвещения и приобщения сибиряков к культуре.

Единственный клуб в Барнауле являлся увеселительным заведением для привилегированных горожан — чиновников и купцов. Собирались здесь преимущественно по субботам, делились рецептами приготовления редких блюд, чуждили-рядили о поведении отдельных лиц в городе и тому подобное. Одним словом, клуб занимался не тем, чем следует. Нечто подобное просветительскому клубу создал у себя на квартире Степан Иванович. Сюда люди приходили не для увеселений, а послушать интересные беседы по вопросам практиче-

ской жизни, а также по многим отраслям науки и принять участие в самодеятельных спектаклях, в исполнении русских песен.

Нередко из гуляевского клуба люди пополнили сцену профессиональную, актерскую.

«Нужно распространять всяческим образом здравые знания в низших классах народа», — писал и говорил друзьям Степан Иванович.

Пропаганду всесторонних знаний, пробуждение самодеятельной инициативы населения Барнаула и Алтайского горного округа Степан Иванович решил поставить на более широкую ногу. С этой целью он открыл в Барнауле на свои скромные средства первую публичную библиотеку с читальней.

В дополнение к этому требовалось проведение при читальном зале различных бесед и лекций на всевозможные темы. Оказалось необходимым обратиться за разрешением к томскому губернатору. От имени передовой барнаульской интеллигенции Степан Иванович обратился с письменной просьбой за разрешением проведения научных бесед и громких чтот при библиотеке. Этому мероприятию мыслилось придать строго общественный характер. Для будущих посетителей устанавливался взнос в месяц — тридцать копеек. Неимущие совершенно освобождались от платы и проходили на чтения по специальным билетам.

Степан Иванович говорил: «Пусть чтения проходят по разрешенной программе, но они, безусловно, расширят кругозор и знания горожан — ведь девяносто пять процентов из них находятся во власти полного невежества и являются неграмотными».

И, действительно, большая часть барнаульцев имела представление о науке гораздо меньшее, чем, предположим, о прелестях рая и муках ада.

Мероприятия, проводимые Степаном Ивановичем, расширяли кругозор барнаульцев и, что самое главное, пробуждали у них интерес и тягу к поиску и просвещению.

В числе слушателей преимущественно была молодежь, но приходили люди и пожилые. Часто беседчиком и чтетом выступал сам Степан Иванович. Слушали его с большим интересом.

Деньги, собранные в виде взносов, шли на поощрение занятий научкой простых людей. Степан Иванович сообщал Архангельскому губернскому комитету о том, что в его адрес высланы деньги, собранные с читателей барнаульской библиотеки, в фонд стипендий отлично успевающим, но бедным гимназистам.

Степан Иванович всегда действовал решительно, иногда с материальным ущербом для себя, когда речь шла о распространении просвещения и научных знаний. В кругах чиновников его иначе не называли, как одержимым. Барнаульский почтмейстер, к этому времени хорошо знавший Степана Ивановича, как-то упрекнул его в излишних хлопотах.

— Чего это вы, Степан Иванович, все пекетесь о чужих нуждах? Хотя вы и освобождены от уплаты почтовых за пересыл-

ку, тем не менее сама посылка чего-то да стоит! Ох, и одержимый вы человек!

Почтмейстер частично был прав. Только одна посылка минералогической коллекции стоила Гуляеву почти пятнадцать рублей, а всего их было послано несколько десятков в разные адреса. Но кто может подсчитать цену и пользу, которую они несут в себе, эти посылки!

Человек, увлеченный в жизни постоянными делами и не имеющий свободной минуты, меньше всего подвержен размышлениям о временном характере его земного бытия. Кажется такому человеку, что у него много незавершенных дел и тех, к которым он еще должен приложить ум и руки. Так и у Степана Ивановича не оставалось времени на те увлечения, которые бы не имели отношений к благополучию людей. В поле его зрения всегда стоял человек с его нуждами и чаяниями.

Однажды Степана Ивановича взволновали живописные работы молодой девушки Змеиногорского рудника. Семья горнорабочих Черепановых и в мыслях не допускала, что их дочь могла стать художницей.

Степан Иванович подметил у нее особое дарование, но дарование еще не развитое.

Родители девушки не имели материального достатка и не могли послать ее на учебу.

Тогда Степан Иванович вызвался оказывать девушке всяческое содействие, насколько позволяли собственные материальные возможности: снабдил ее красками и инструментом, показал основные приемы в рисовании.

Девушка приезжала в Барнаул, подолгу останавливалась в доме Гуляевых и вскоре была здесь как родная.

Все это делалось совершенно бескорыстно со стороны Степана Ивановича, с единственной целью — открыть заветную дорогу к искусству и образованию талантливой девушке.

Талант Черепановой не погиб, она стала профессиональной художницей. И в этом была немалая заслуга Гуляева.

* * *

Еще в ходе переписки по поводу открытия первого университета в Сибири Степан Иванович решительно выступал против голого академизма в обучении.

Настала пора открыть и в Барнауле первую гимназию. Единственное среднее учебное заведение в городе, горное училище, теперь окружное, с упадком горной промышленности теряло свое прежнее значение.

Еще во время первой поездки в столицу с караваном серебра Степан Иванович поставил перед influentialными лицами вопрос, давно мучивший передовую часть барнаульской интеллигенции. Бесконечные хлопоты Степана Ивановича, казалось кое-что обещали положительное. Во всяком случае в Петербурге его заверили, что гимназия в Барнауле обязательно будет действовать на базе существующего окружного училища. Не верить тому было нельзя.

С приездом Степана Ивановича в Барнаул туда пришли утвержденные штаты, съехались учителя гимназии, но сама она так и не была открыта при жизни Гуляева.

Как-то, работая в своей библиотеке, Степан Иванович обнаружил в числе исторических материалов указ от тридцать первого мая тысяча семьсот восемьдесят шестого года, данный во исполнение двух предшествующих царских повелений генерал-фельдмаршалом графу Румящеву-Задунайскому и князю Потемкину и наместническим правлениям о наряде лошадей по станциям, лежащим по дороге из Петербурга в Малороссию. Царское путешествие началось в январе тысяча семьсот восемьдесят седьмого года.

Путь пролегал по Новой Порховской дороге через города Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, Киев, а затем по Днепру до Нового Кайдана, где назначено быть губернскому городу Екатеринославу, затем в Херсон, в область Таврическую и обратно через Черкасск, Бахмут, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Тулу, Москву.

Царское путешествие только от Петербурга до Киева должны обслуживать семьдесят шесть почтовых станций. На каждой из них держалось наготове для царской особы пятьсот пятьдесят лошадей, а на весь путь от Петербурга до Киева было занято сорок одна тысяча восемьсот лошадей!

Степан Иванович, пораженный роскошью, с которой ехала Екатерина Вторая, невольно подумал: «Сколько можно было бы открыть гимназий, университетов, если бы обратить эти средства на нужды народного просвещения!» О том он написал редактору «Исторического вестника» Сергею Шубинскому, куда раньше послал статью «Некоторые эпизоды из пугачевщины», и просил прислать десять типографских оттисков статьи.

Степан Иванович при этом ощутил, насколько малы масштабы его трудной работы и с каким упорством приходится продвигать всякое начинание.

* * *

Кончились крещенские морозы, и на дворе, по выражению Александры Филипповны, помягчело.

Нежданно-негаданно приехал на Иркутскую улицу Леонтий Тупицын. Навез в подарок чуть не целый воз разного изделия: корытец, сеяльниц, лотков для калачей и даже самопряку. Все это не без торжественности вручил Александре Филипповне, приговаривая:

— Вам, матушка, все пригодится! Не прогневайте старика, не откажите принять!

Подоспел со службы Степан Иванович, расцеловал Леонтия как родного брата, которого не видел целую вечность. Начались расспросы. Степан Иванович совсем без задней мысли спросил Тупицына:

— Надолго ли пожаловали к нам, дорогой Леонтий Гаврилович?

— Хошь осуждайте, хошь нет, а на целую неделю приполз!

— Вот это хорошо! Теперь будет время послушать вас.

Степан Иванович на другой же день сообщил о том любителям русской народной поэзии в Барнауле. Тотчас потянулись они в дом на Иркутской улице. Теперь здесь сталолюдно, даже тесно. Слушали Тупицына, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова.

Обычно Леонтий садился за стол, вытягивая перед собой руки, уставив незрячие глаза в одну точку.

И как только начинал рассказывать былины или петь песни, тотчас преображался. Неподвижного взгляда как не бывало. Выражение лица постоянно менялось. Рассказывал Леонтий негромким, но задумчивым голосом, сопровождая рассказ убедительными жестами. И скоро полностью овладевал вниманием слушателей.

Тупицын начинал петь плясовые песни. То и дело в такт песни он притопывал ногой:

Ах ты, девица-красавица моя,
Черноброва, черноглаза, хороша,
Что походочка-то бассинья,
Поговорка-речь хорошенькая!
Я доселева хороша была,
Таперича худа стала и бледна,
Что худа, бледна, не годна никуда,
Иссушил меня детина красотой,
Чернобровый, черноглазый...

Лица присутствующих невольно растягивались в улыбках, царила обстановка непринужденного веселья. Большинство из них — сибиряки, вспоминали молодые годы, и каждый уносился в те далекие годы. Потом кто-нибудь просил:

— А ну еще что-нибудь веселенькое, Леонтий Гаврилович.

Тупицын не заставлял себя долго упрямиться и тотчас начинал другую песню, чем вызывал восторг слушателей.

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей старой старик идет,
Он на посохе-та ключики несет,
Сам ключами принабрякивает!
Увидала красна девка,
Испугалася старого старика...
— Я нейду, нейду за старого замуж,
Я пойду, пойду за ровнюшку свою...

Получали совершенно новое звучание в устах Тупицына, возвышенное и почти артистическое, образы любимых народных героев — богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и других. Былины Тупицын рассказывал с глубокой проникновенностью, с верой во все то, что говорилось в них, с выражением на лице чувства внутреннего удовлетворения.

— Настоящий поэт! — говорили друг другу слушатели, собравшись у Степана Ивановича, полушепотом, чтобы не отвлекать Тупицына.

Он знал многие былины о скорбном прошлом Алтая, когда простые труженники горнозаводских предприятий, мастера и приписные крестьяне, задавленные крепостнической кабалой, не теряли поэтического чувства. Тупицын пел о том, как влюбленный паренек спрашивает красну девуку: одного ли она его «сушит-крушит». А красна девица отвечает:

Ты отстань-ка, милый, по охоте,
Не отстанешь по охоте,
Отстань, милый, по неволе...
Что сегодняшней темной ночью,
Хотят нас с тобой поймати,
Белы ручки и резвы ноженки
Хотят нам с тобой сквати,
Во Змеевскую да во сторонушку
Хотят нас с тобой сослати...

Змеиногорский рудник на Алтае вплоть до отмены крепостного права в России являлся местом ссылки на каторжные работы. Там, в потайных лабиринтах, жизнь человека ставилась ни во что, быстро таяла, как салыная свеча при дуновении ветра.

Исчезала пара влюбленных молодых людей, а перед глазами слушателей шла длинная вереница труженников со скорбным выражением на лицах, усталой походкой, измученных непосильной работой, и навсегда исчезала в черных глубоких колодцах Змеиногорского рудника.

Тупицын умолкал, чтобы через минуту-другую начать другую былину, которых память его хранила великое множество.

— А теперь, господа хорошие, послушайте былину про разудалого донского казака Степана свет-Тимофеевича, буйну голову.

Видно, Тупицын любил рассказывать про Степана Разина. Голос его крепчал, глубже прорезали лоб и щеки морщины.

На тихом Дону, во Черкасском городе,
Народился удалой, добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
С казаками он дум не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с гольтьбой...

Тупицын делал паузу, глубоко вздыхал и продолжал рассказ.

Степана Тимофеевича,
По прозвищу Стеньку Разина...
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову...

Вслед за Тупицыным вздыхали слушатели, пораженные талантом сказителя. Присутствовавшие женщины, не таясь, протирали платками повлажневшие глаза, потихоньку шмыгали носами.

Степан Иванович являлся исключением из среды слушателей. Он вместе с сыном Николаем-старшим, служившим в почтовом ведомстве, старался точно записать услышанное из уст Тупицына.

Через Степана Ивановича стало известно о Тупицыне в Петербурге. Им заинтересовался этнографический отдел Русского географического общества.

Он запросил через Степана Ивановича о высылке подробной биографии, фотографии Тупицына и, самое главное, записи были и песен, которые он знал.

Один большой любитель фотографии, горный инженер, по просьбе Степана Ивановича, согласился съездить в деревню

Ересную. Тупицына сфотографировали поющим песни, одетым в зипун поверх овчинного полушубка.

Сложнее было с песнями и былинами, хорошо знакомыми Тупицыну. Знал он их очень много. Степан Иванович, хотя и записал их все, но отослал в Петербург менее известные, не встречавшиеся ранее, такие, как «Побывальщину, записанную в Барнауле» и «Два калмыцких стихотворения».

Русское географическое общество получило вместе с ними подробную биографию и фотопортрет Тупицына и выразило за это Степану Ивановичу глубокую благодарность.

— Вот, Леонтий Гаврилович, получил за ваши знания былин, песен и сказов благодарность из Петербурга, — сказал Гуляев. — Она и ваша, Леонтий Гаврилович, эта благодарность.

— А что правда, Степан Иванович, говорят, что в Петербурге из этих благодарностей одежду шьют? — улыбнулся Тупицын.

— Благодарности даются за труды, Леонтий Гаврилович.

В этот раз Тупицына провожали из Барнаула многие любители устной народной поэзии, в дар преподнесли ему чайные чашки с блюдами.

Когда Тупицыну сказали, что чашки фарфоровые, а на них нарисованы сцены из сказок, он с удовлетворением отметил: — Такое как раз по мне!..

Степан Иванович с благодарностью пожал руку Тупицыну.

— Ожидайте, Леонтий Гаврилович, меня в гости.

— Милости просим, Степан Иванович. После этой встречи Степан Иванович во многом расширил и обогатил свои «Этнографические очерки Южной Сибири».

Так сказитель стал соавтором Гуляева.

* * *

Алтай привлекал многих ученых слабой изученностью. Через Алтай пролегли пути научных экспедиций в Китай, Монголию, степи Казахстана, Среднюю Азию. Ученые и члены этих экспедиций часто останавливались в доме Гуляевых, называя этот дом своеобразной штаб-квартирой.

Помимо радушного приема здесь они получали полезные, практические советы, из разговоров с хозяином узнавали про то, что их интересовало, ради чего предпринимались экспедиции.

Помимо того, что Степан Иванович сделал сам или побудил то сделать других на пользу родного края, его можно считать незримым членом многих экспедиций.

Для археологических и геологических исследований на Алтае в Барнаул приехала научная экспедиция, возглавляемая французским ученым-доктором Менье.

Очное знакомство с Менье прошло в доме Степана Ивановича. До того оба они были достаточно слышаны друг о друге, поэтому при первой же встрече разговор принял непринужденный и деловой характер.

Менье в первую очередь попытался выяснить пункты маршрута экспедиции.

— Считаю должным обратить ваше внимание на Тигирецкий и Зменногорский рудники, побывать там, а также исследовать пещеры на реке Ине и близ деревни Чагира. В геологическом отношении два указанных рудника имеют большой интерес. В пещерах же на реке Ине необходимо произвести раскопки. Там наверняка найдете стоянки первобытного человека, орудия, которыми он пользовался.

Менье, несколько удивленный категоричностью сообщений Степана Ивановича, спросил:

— Почему вы полагаете, что именно в этих пещерах может быть обнаружено то, что интересует нас?

— Пещеры те хорошо защищены от проникновения дождя и ветра, очень удобны для защиты от врагов первобытного человека. К тому же в них уже находили сломанные копья и наконечники стрел. Правда, их никто еще не раскапывал. Но я уверен, что раз имеются копья и наконечники стрел, обязательно должны быть человеческие погребения.

— Скажите, Степан Иванович, вы давно бывали в этих пещерах?

— Нет, не бывал, не выпадал случай по службе.

— Как? Совсем не были? — удивился Менье.

— Совсем, — улыбнулся Гуляев. — Но пусть вас это не смущает. Пещеры эти я знаю хорошо.

— А что может быть интересного в двух рудниках, куда вы рекомендуете поехать нам? — спросил Менье.

— Убедиться в примечательности, хотя бы Зменногорского рудника, нетрудно, раскопок никаких производить не требуется. Скажу одно: змеиногорские руды своеобразные, в них самородные металлы залегают необычным порядком — не в виде жил, а гнездами.

— Спасибо, Степан Иванович. Это очень важно для нас. Скажите, а чем вы сейчас интересуетесь?

Степан Иванович рассказал, что его волнует все: и поиск практически выгодных для человека знаний, и произведения устной народной поэзии, и чисто научные вопросы, и многое другое.

— Но для осуществления всего, чем вы заняты, потребуется не одна жизнь! — воскликнул Менье, пораженный таким размахом деятельности Гуляева.

— Очень даже просто. Где не могу сам получить необходимые сведения, помогают корреспонденты. У меня их очень много! Я же возглавляю «золотой стол».

Менье с удивлением смотрел на Гуляева. Он впервые видел перед собой столь упорного труженика, информатора науки, который сам дерзал в ней и привлекал к тому других людей, быть может, не всегда осведомленных, но оказывающих ей неоплачиваемую услугу.

Больше года потратила экспедиция Менье на исследования и археологические раскопки. Менье возвращался в Барнаул, полный впечатлений и с множеством собранных материалов. Зашел к Степану Ива-

новичу, чтобы еще раз его поблагодарить.

Стоял сентябрь. В разгаре солнечное бабье лето. В воздухе плыли космы паутины, по-осеннему пели желтогрудые синицы. В прощальную пору с летом Степан Иванович испытывал неодолимое желание к перемене места, к поиску.

Как-то Степан Иванович, беседуя с Менье, высказал мысль:

— А что, господин Менье, если я подкажу вам еще одно занятие на Алтае. Это почти рядом с Барнаулом. Верстах в восемнадцати от него находится деревня Гошба. Так вот по дороге в нее есть курганы. Надобно бы их раскопать...

Менье раскапывал недели две курганы и нашел в них много интересного: костяные наконечники стрел и различные железные предметы.

— Честное слово, Степан Иванович, что ни ваше слово, то у меня успех в археологических раскопках! Впервые встречаю такого удачливого человека. Не возражаете, когда вернусь на родину, напишу о вас большую научную статью?

Степан Иванович спрятал загадочную, никем еще не распознанную улыбку в кончиках усов и ничего не ответил.

Менье распрощался со Степаном Ивановичем и уехал по делам экспедиции в Томск, пробыл там месяца три. На обратном пути в Барнаул, простудился, слег в постель. Степан Иванович все свободное время не отходил от больного. Единственное средство от простудной болезни, имевшееся в распоряжении барнаульских медиков — банки, не приносили облегчения больному.

Менье метался в горячем бреду. С каждым днем силы его таяли. И в марте месяце, когда наступили теплые дни, его не стало.

Степан Иванович принял все хлопоты по похоронам на себя. Выбрал место для могилы на высоком крутояре кладбища — так, чтобы отсюда был виден город, раскинувшийся внизу.

Грустной была эта весна.

* * *

Одиннадцать лет работал в Барнаульском окружном училище преподавателем немецкого языка Радлов. Помимо своей основной работы, Радлов увлекался исследованиями в области языков тюрко-монгольского происхождения.

Он неоднократно бывал с экспедициями в Горном Алтае, Средней Азии, Казахстане, Монголии. Везде молодой ученый внес большой вклад в изучение тюрко-монгольских и китайских языков.

Степан Иванович сообщал в Русское географическое общество: «Из других лиц, занимающихся географическими, статистическими и этнографическими работами, я позволю себе указать на учителя Барнаульского окружного училища доктора философии Радлова».

Такое писал Степан Иванович о Радлове, имея полные основания. Радлов не явился исключением из путешественников и исследователей, побывавших на Алтае и

испытывших радушие, гостеприимство и помощь Степана Ивановича.

— Алтайский язык относится к тюркским, Степан Иванович. Но это хорошо известно, а вот к какой группе? — спросил как-то Радлов.

Степан Иванович ответил довольно просто:

— Думаю, Василий Васильевич, вы разгадаете группу, когда изучите алтайский язык на месте во всем разнообразии его говоров.

Позже, когда Радлов последовал этому совету, выяснилась без особого труда группа киргизско-кыпчакская, к которой относился алтайский язык.

Степан Иванович обладал на редкость ценным даром — подмечать в человеке одаренность в самом начальном состоянии, потом эта одаренность развивалась и приводила к широкой известности в науке. Так случилось и с Радловым. Востоковед-тюрколог, этнограф, переводчик, за четыре года до смерти Степана Ивановича он стал известным ученым, членом Петербургской Академии наук. Уже после смерти Степана Ивановича Радлов одновременно с датским ученым Вильгельмом Томсоном расшифровал знаменитые орхоно-енисейские надписи.

Ученые всех степеней и рангов, пользовавшиеся покровительством или просто бывшие знакомыми Степану Ивановичу, не упускали случая поблагодарить его за подсказки и советы, которые он им давал.

При жизни Степана Ивановича в Китай и Монголию отправилась экспедиция Сосновского. В Барнауле, у Степана Ивановича, жил ученый-переводчик экспедиции Андриевский. Нет надобности говорить о благодарности переводчика за русское гостеприимство Степана Ивановича. Несколько позже Андриевский информировал Степана Ивановича о значительных находках экспедиции, многих памятников письменности, археологических редкостях, предметах материальной культуры древних народов, населявших Китай и Монголию.

Степан Иванович не прекращал до последних дней жизни работы по акклиматизации растений на Алтае. На своем приусадебном участке он добился успехов в выращивании кендыря, который возделывали в среднеазиатских климатических условиях. Кендырь, как известно, дает крепкую пеньку белого цвета. В письме к своему зятю в Омск он давал ему практический совет: «...Не лишним считаю посоветовать: если будете делать посевы кендыря в Омске, то мешайте семена с несколько влажным песком, иначе они по легкости своей разлетятся, хорошо прибавлять к земле толченого кирпича, потому что почва, на которой растет кендырь в диком состоянии, глинисто-мергельная, и кирпич на этот раз может заменить мергель».

Научные общества Петербурга и других городов знакомились с отдельными представителями алтайской флоры через Степана Ивановича. Он посылал в разные времена своим адресатам семена горного лука, белого алтайского шиповника, пихты, красителя серпухи, лекарственного расте-

ния душиanky, лука-слезуна; а также ветки облепихи с рецептом-упоминанием приготовления из ценного лекарственного вещества облепихового масла.

Степан Иванович в эти годы информировал научную общественность о природных богатствах родного края и смежных с ним районов многочисленными статьями, как например: «Врачебные средства Сибири», «Длинношерстные овцы на Алтае», «Соленое озеро Карабаш».

Годы проходили, а Степан Иванович оставался прежним, неуемным искателем, популяризатором науки.

Степан Иванович не успокаивался на достигнутом в проведении опытов по выращиванию инородных для края растений, а стремился доказать возможность возделывания южных культур на Алтае. Так, он просил в письме «Кавказское общество сельских хозяев» о высылке семян американского, египетского и туземного хлопка для проведения опытов по его выращиванию в Южной Сибири и в Семиреченском крае.

Приехал в Барнаул инженер Салдинского завода и показал Степану Ивановичу образцы тонкого листового железа. Степан Иванович сразу же оценил достоинства нового сорта железа. Он предлагал его как заменитель кожи при обивке ямских кибиток, а также внутренностей различных мастерских, где требуется защита от огня. Предсказывал самое широкое применение железа в беслесных районах. Степан Иванович указывал пути защиты от коррозии листового железа, предлагал покрывать его смесью разогретой смолы и вара. Или олифой, где она не слишком дорога.

Степан Иванович просил одну из томских фирм о присылке ему листового железа. Он писал: «Сообщая вам мое предложение, нужным считаю сообщить, что я не занимаюсь коммерческими предприятиями, лично им не заинтересован, но в видах общей пользы желаю от души, чтобы оно осуществилось».

Так уж повелось у Степана Ивановича, что прежде всего он заботился о благе своего народа. Большой бесребренник, он таким остался на всю свою довольно продолжительную жизнь.

* * *

Однажды Степан Иванович написал письмо своему зятю И. Я. Слоvcову, в котором не без гордости сообщал: «Радуюсь, что к нам переселяются толковые ремесленники». В письме Степан Иванович имел в виду переселившегося в Барнаул ремесленника Березина, который занялся выделкой соломенных шляп. Степан Иванович, проходя как-то по рынку, обратил внимание на грубые соломенные и плохо отбеленные шляпы.

— Почем за штуку берете? — спросил он.

— Сколько не жалко, хороший господин, — ответил продавец и пожаловался: — Не идут в продажу шляпы, прямо наказание.

Степан Иванович нашел способ хорошо отбеливать солому и делать ее гибкой. Теперь барнаульские соломенные шляпы

стали пользоваться спросом не только на Алтае, в Барнауле, но и в других городах Сибири.

Дело у пензенского переселенца Березина пошло так же быстро, как когда-то у шубника Лапина. Степан Иванович, как и в первый раз, оказался бескорыстным человеком и выгоды от этого никакой не имел.

Впрочем Степана Ивановича не сокрушали материальные недостатки. Раздражали упреки чиновников, снисходительное сострадание к нему со стороны людей имущих.

В письме к зятю Слоvcову он жаловался: «Не знаю, что мне делать? Было три билета внутреннего займа и те заложены. Любезная супруга настаивает, чтобы продал дом... предлагать подобные советы легко, но как их исполнять. Да и дом-то стоит восемьсот рублей, не больше».

Меня укоряют, что я сижу за камушками... они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей натуры, они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину... забавно бы Вам слышать от кого-нибудь укоризны за то, что Вы занимаетесь кроме службы разными науками, да без чего жизнь человека мыслящего была бы тягостью».

«Они», благополучные чиновники, высменивали своего коллегу за честное отношение к службе, за то, что он занимался недоступными для их понятия научными изысканиями. Для них было непонятным, как заведующий «золотым столом» не мог обеспечить себя на старость всем необходимым, когда имелись такие возможности! Степан Иванович не имел за душой и ста рублей. Его честность подвергалась испытанию еще один раз.

В Барнаул приехал золотопромышленник, в прошлом воспользовавшийся любезной помощью Степана Ивановича, благодаря которой и стал весьма богатым человеком. Теперь он узнал о денежных затруднениях своего бывшего «покровителя» и тотчас поспешил на выручку. Золотопромышленник как-то зашел к Гуляеву и предложил ему деньги — сумму немалую. И был удивлен категорическим отказом.

— Но как же так... Степан Иванович? Вы в таком незавидном положении... нет, нет, так не пойдет! — настаивал гость.

— Да кто вам сказал, что я нуждаюсь? — спросил Степан Иванович. Это вовсе не так. Вот взгляните. — При этих словах Степан Иванович подошел к книжной полке, достал объемистый том узаконений Российской империи, раскрыл его, и гость увидел меж страниц закладку — трехрублевую бумажку. — Это когда-то шубник Лапин ссудил мне, — усмехнулся Гуляев. — За мои хлопоты по добыче нужного для него красителя... Сумма, конечно, в отличие от вашей мизерная, но суть от этого не меняется...

Гость смутился, спрятал деньги и быстро раскланялся.

* * *

Видно, самый могучий организм бессилен противостоять разрушительному дей-

ствию старости. Так думал и удивлялся своим мыслям Степан Иванович. Замечал он наступление старости и по тому, что чаще и тщательнее ворошил прошлое.

Степан Иванович, чтобы уйти от этого, с еще большей энергией принимался за дело, не терпевшее отлагательства. Но сил хватало не на многое...

В небольшом саду на Иркутской улице этой весной цвели, благоухали яблони, липы, черемуха, кендырь. В бело-розовой кипени жужжали пчелы. «Хороший будет нынче взяток», — подумал Гуляев. Он вернулся сегодня со службы раньше обычного, что-то нездоровилось. А дома его ожидали приехавшие из Омска зять с дочерью Елизаветой. Степан Иванович обрадовался нескладно и на какое-то время позабыл даже о своих недугах.

Общих тем для разговора у них с зятем было немало, и они в этот вечер, уединившись, отвели, как говорят, душу.

Словцов был человеком близким не только по родству, но и по интересам.

Утром Степан Иванович проснулся с сильными болями в груди. Александра Филипповна хотела послать за доктором.

— Пока не надо, Сашенька! — воспротивился Степан Иванович. — Займусь пока разборкой писем. Может, отпустит.

У Степана Ивановича скопилось несколько тысяч сохранившихся писем от научных обществ и ученых, в том числе от Брэма, Потанина, Ядринцева, Семейского, Срезневского, Буша, Бера, Радлова и многих сотен других корреспондентов.

Из писем, как на ладони, вставала жизнь, длительная, интересная, полная постоянных трудов.

Степан Иванович систематизировал письма по фамилиям, раскладывая их стопками. И стопки эти росли на столе, множились...

«Измаил Иванович Срезневский... так... так... пятьсот шестьдесят восемь писем». Стараясь воскресить в памяти их содержание, Степан Иванович быстро читал некоторые из них. Выплывало далекое время, когда был он еще молод, полон сил и надежд — и жизнь казалась бесконечной.

Дольше других Степан Иванович задержался на переписке с разными лицами о первооткрывателе белокурихинских минеральных вод Семене Казанцеве. Семени Казанцева уже нет в живых, а искра, брошенная им, постепенно разгорается...

Перед глазами проходит ладная фигура преуспевающего Семени Лапина. Степан Иванович думает: «Пусть Лапин не совсем

порядочным человеком оказался, но дело, которое помог он свершить, весьма нужное и нынче и в будущем...»

Вдруг мысль обрывается. И Степан Иванович чувствует, как страшная боль пронзает его насквозь. Он вскрикивает. Когда переполошившийся Словцов привел доктора, Степан Иванович пришел уже в себя. Но слабость испытывал невероятную, голова кружилась и поднялся он с трудом. Доктор выслушал его и сказал:

— У вас, батенька мой, отек легких. Где это вы умудрились так простыть? — И прописал на грудь ставить банки.

На короткое время Степан Иванович почувствовал облегчение. А тут еще радостное известие — письмо из Русского географического общества. Вице-председатель общества Семенов просил Гуляева принять участие в предстоящей крупной работе этнографического отделения общества. Семенов писал по этому поводу: «...Со своей стороны я позволю себе присоединить мой голос к просьбе отделения к Вам, многоуважаемый Степан Иванович, с выражением надежды, что Вы, один из старейших членов-сотрудников общества, не откажете помочь отделению Вашими драгоценными материалами. Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности».

Письмо ему показали с умыслом — добрая весть может помочь побороть недуг. Однако заслуженный и бескорыстный труженик науки, чья деятельность отмечена печатью исключительной скромности, не смог принять предложения Русского географического общества.

Болезнь быстро прогрессировала. И к концу дня Гуляева не стало.

Через два дня на похороны Степана Ивановича пришли многие барнаульцы, съехались друзья и из близлежащих городов и сел.

Словцов сказал на могиле слова, с которыми внутренне согласились все, кто близко знал Гуляева:

— Не каждому дано такое, чем обладал в жизни Степан Иванович: честность и бескорыстность, открытая благожелательность к людям, увлеченность в поиске всего неизвестного...

На могиле Степана Ивановича воздвигли массивный четырехугольный памятник, над которым возвышался каменный глобус, а внизу надгробия — раскрытая каменная книга с высеченными на ней словами: «Тот достаточно потрудились, кто честно искал истину».